

ГЛОБАЛЬНЫЙ ДИАЛОГ

3.3

5 выпусков в год на 15 языках

Социология как призвание

Рейвин Коннелл,
Рэндольф Дэвид

Революция и контр- революция

Назанин Шахрокни,
Парасту Докухаки,
Симин Фадае,
Аббас Варий Каземи,
Мона Абаза

Университеты в кризисе

Сатендра Кумар,
Клаус Дерре,
Штефан Лессених,
Инго Зинге

- > “Похищаемые” в городах Мексики
- > Фрагментация и неравенство в Мексике
- > Социальное неравенство в Японии
- > Хайку: красота и простота
- > Встреча Исполнительного комитета в Бильбао
- > Представляем нашу польскую редакцию
- > Канадские социологи приветствуют МСА
- > Письма редактору

БЮЛЛЕТЕНЬ

International
Sociological
Association

ТОМ 3 / ВЫПУСК 3 / МАЙ 2013
www.isa-sociology.org/global-dialogue/

ГД

> От редактора

Университеты в кризисе

Когда я пишу эти строки, Рейвин Коннел своим участием в пикете в Сиднейском университете, выражает свое представление о социологии как призвании. Она присоединилась к забастовке сотрудников университета, протестующих против эрозии постоянных позиций, массового перехода на временные контракты, а также против угрозы академической свободе – против процессов, охвативших множество университетов, элитных и обычных, во всем мире.

Когда университеты превращаются из институтов, создающих общественное благо в структуры, способствующие созданию частного блага, они начинают продавать свои услуги клиентам (студентам, государствам, корпорациям и всем, кого они могут привлечь). Борьба за клиента интенсивна, и университеты превращают себя в бренды, стараясь вскарабкаться повыше в государственных и глобальных рейтингах. Представители науки могут с презрением относиться к рейтингам, однако часто они сами их разрабатывают, играют по соответствующим правилам, причем зачастую с энтузиазмом. Это значит не только то, что они пишут статьи для англоязычных журналов, но и для журналов, признанных на международной арене, то есть для национальных журналов США и Англии, в которых превагирует определенный локальный фрейминг вопросов, проблем и методологии. Социологи глобального Юга (и не только Юга) зачастую уходят в сторону от неотложных проблем, с которыми сталкиваются их собственные страны.

Немногие обладают ресурсами, отвагой или даже мотивацией для того, чтобы выступить против системы. Поэтому мы должны отдать должное Германской социологической ассоциации за бойкот государственных рейтингов, о чем рассказывают социологи из Университета имени Фридриха Шиллера в Йене. В то же время мы не должны забывать, что большинство университетов и вовсе не появляются в рейтингах, формируя обширный класс «неприкасаемых» университетов. Сатендра Кумар анализирует такую ситуацию в индийском штате Уттар Прадеш, где университеты зарабатывают, продавая аккредитацию образовательным учреждениям, предлагающим сомнительные степени по субсидированным государством ценам. Общественные средства идут в карманы политиков, рассматривающих университеты как политическую машину. Хотя эти процессы происходят на противоположном от Сиднейского университета конце глобальной иерархии, однако трудности, с которыми сталкиваются университеты, похожи.

Существуют, конечно, и более конвенциональные источники давления на университет. Назанин Шахрокни и Парасту Докухаки описывают организованный иранским государством откат в ответ на рост числа поступающих в университет женщин. Многие участницы Зеленого движения Ирана, протестовавшие в 2009 году (см. ст. Аббаса Варий Каземи и Симин Фадаи), вышли из рядов университетских несогласных. Неудивительно, что иранское государство внимательно наблюдает за этими университетами.

Во всех этих случаях мембрана, разделяющая университет и общество, растворяется. Мы не можем притворяться, что живем вне общества. Мы вынуждены вставать на чью-то сторону. С кем мы? С рационализаторами и продавцами или же с критиками и несогласными? Рэнди Дэвид пишет о призвании социолога и демонстрирует, что можно сохранить критическую публичную вовлеченность даже в политически недружественных Филиппинах. И все же необходимо немало отваги для того, чтобы погружаться в такие страшные миры, как тот, в котором нормализуется насилие, как это происходит в Египте (о чем пишет Мона Абаза) или в Мексике (о чем пишет Ана Виллареаль). Возможно, нас не хотят слышать, но это не причина молчать.

> “Глобальный диалог” на других 13 языках можно найти [на сайте МСА](#)
> Заявки отправлять по эл. почте: burawoy@berkeley.edu

Рейвин Коннелл, австралийская феминистка и автор “Южной теории”. С ее точки зрения, социолог - это тот, кто принимает участие в иерархически организованном глобальном трудовом процессе, подвергнувшись дальнейшему искажению вследствие вторжения рынка в университетскую среду.

Рэндольф Дэвид, известный филиппинский социолог, рассказывает о жизни, полной критической вовлеченности, направленной на перемещение социологии в публичную сферу. Он показывает, что это сильно отличается от политической вовлеченности.

Назанин Шахрокни и Парасту Докухаки показывают, как рост числа женщин-студенток в иранских университетах приводит к стратегиям гендерной сегрегации, связанным с тем, что государство защищает рыночные интересы мужчин, предотвращая кризис маскулинности.

> Редакционный совет

Редактор:
Майкл Буравой

Исполнительные редакторы:
Лола Бусуттил, Август Бага

Заместители редактора:
Маргарет Абрахам, Тина Уйс, Ракель Соса, Дженнифер Платт, Роберт ван Крикен

Консультанты редакции:
Изабела Барлинска, Луи Шавель, Дилек Чиндолу, Том Дуайер, Жан Фриц, Сари Ханафи, Хайме Хименес, Хабибуль Хондкер, Симон Мападименг, Ишвар Модии, Никита Покровский, Эмма Порио, Йошимичи Сато, Винита Синха, Беньямин Техерина, Чин-Чун И, Елена Здравомыслова

Региональные редакторы

Арабский мир:
Сари Ханафи, Мунир Сайдани

Бразилия:
Густаво Танигути, Хулиана Тонче, Селия да Граса Аррибас, Андреа Галли, Рената Баррето Претурлан, Россана Мариньо, Анжело Мартинс Жуниор, Лукас Амараль

Колумбия:
Мария Хосе Альварес Ривадудья, Себастьян Вильямисар Сантамария, Катерине Гайтан

Индия:
Ишвар Модии, Раджив Гупта, Рашми Джайн, Удай Сингх

Иран:
Рейханех Джавади, Шахрад Шахванд, Сагхар Бозорги, Наджмех Тахери

Япония:
Кадзухиса Нишихара, Мари Шибя, Косукэ Химэно, Томохиро Такама, Ютака Ивадатэ, Кадзухиро Икэда, Ю Фукуда, Мичико Самбэ, Такако Сато, Юко Хотта, Юсуке Косака, Ютака Маэда, Сюзэй Нака.

Польша:
Миколай Межеевски, Каролина Миколаевска, Кжиштоф Губаньски, Зофия Влодарчик, Адам Мюллер, Патрыция Пендраковска, Эмилия Худзиньска, Юстына Витковска, Конрад Семашко, Юлия Легат

Румыния:
Косима Ругинис, Иляна Чинзьяна Сурду, Лучан Ротарью, Анжелика Хелена Маринеску, Адриана Бондор, Алина Стан, Андрея Акасандре, Каталина Гуле, Моника Александру, Мара Шербан, Иоана Картареску, Телегди Балаж, Марьян Михай Богдан, Кристиан Константин Вереш, Рамона Кандараджу, Элена Тюдор, Моника Надраг.

Россия:
Елена Здравомыслова, Элеонора Бурцева, Анна Кадникова, Елена Никифорова, Юлия Мартинавчене, Екатерина Москалева, Ася Воронкова

Тайвань:
Чжин-Мао Хо

Турция:
Айтол Касаполу, Нилай Чабук Кайя, Гюннур Эртонг, Йонджа Одабаш, Зейнеп Байкаль, Гизем Гюнер

Украина:
Светлана Хутка, Ольга Кузовкина, Полина Байцым, Мария Домашенко, Ирина Клевцова, Дарья Коротких, Мария Куц, Лидия Куземская, Анастасия Липинская, Юлия Примак, Мирослава Романчук, Ирина Шостак, Ксения Швец, Людмила Смоляр, Орина Стеценко, Полина Стохнушко, Мария Воротилина

Медиаконсультанты:
Анни Лин, Хосе Регера

Редактор-консультант:
Абигейл Эндрюс

> В этом номере

От редактора: Университеты в кризисе **2**

Социология как призвание: Коллективная работа на мировом уровне
Рейвин Коннелл, Австралия **4**

Социология как призвание: Критическое включение в публичную сферу
Рэндольф С. Дэвид, Филиппины **6**

> РЕВОЛЮЦИЯ И КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ

Реакция: гендерная сегрегация в иранских университетах
Назанин Шахрокни, США, Парасту Докухаки, Иран **8**

Кто стоит за "зеленым движением" в Иране?
Симин Фадае, Германия **11**

Присваивая прошлое: "зеленое движение" в Иране
Аббас Варий Каземи, США **13**

Жестокость египетской контрреволюции
Мона Абаза, Египет **16**

> КРИЗИС УНИВЕРСИТЕТОВ

Индийские университеты становятся машинами для получения прибыли
Сатендра Кумар, Индия **19**

Немецкие социологи бойкотируют академический рейтинг
Клаус Дёрре, Штефан Лессених, Инго Зинге, Германия **21**

> МЕКСИКА

Похищабельные: о нормализации насилия в городах Мексики
Ана Вилларреаль, Мексика **23**

Социальная фрагментация среди мексиканской молодежи
Гонзало А. Сарави, Мексика **25**

> ЯПОНИЯ

Социальное неравенство в современной Японии
Савако Ширахасэ, Япония **27**

Хайку: красота в простоте
Коичи Хасегава, Япония **28**

> ЧЛЕНЫ МСА ИЗ РАЗНЫХ СТРАН

Встреча Исполнительного комитета в Бильбао
Майкл Буравой, США **30**

Представляем польскую команду редакторов
Каролина Миколаевска, Польша **33**

Канадские социологи приветствуют вас!
Патриция Альбениз, Канада **35**

Письма редактору
Дэвид Леман, Великобритания, Хилари Роуз, Великобритания **37**

> Социология как призвание: коллективная работа на мировом уровне

Рейвин Коннелл, Сиднейский университет, Австралия

Рейвин Коннелл.

Если вы социолог, то вы – работник. У вас есть ремесло, вы часть рабочей силы. Понимание этого спасет вас от заблуждений о мнимом величии, и вы начнете думать о связях с другими работающими людьми. Ваше ремесло – производство знания, а также преподавание и применение этого знания. Это коллективный, а не индивидуальный проект. Суть общественных наук, как и наук естественных, состоит в том, чтобы делиться знанием. Знание по своей сути публично. Распространение и циркуляция знания по праву могут быть названы «публичными действиями». И именно ваш вклад в социальный процесс познания социального мира делает вас социологом.

> В поисках социологии

В 1960е годы, когда я была студенткой, социология не была широко преподаваемой дисциплиной в Австралии. У меня было историческое образование, а также степень по специальности «Управление». Это была неплохая интеллектуальная тренировка; но в то время мир был в огне. Я вступила в студенческое движение, выступавшее против войны во Вьетнаме и бросавшее вызов университетскому консерватизму. Нам хотелось получить более релевантное, более близкое нашему протесту знание. И потому мы постарались создать свое знание, основав для этого любительский Свободный университет.

После защиты диссертации я решила повысить свою квалификацию на одном из известных социологических факультетов США. Факультет был практически в состоянии гражданской войны: радикальные студенты боролись с правыми преподавателями. Вскоре университет закрылся из-за студенческой забастовки. Однако я прочитала множество полезной литературы: книги Леви-Стросса, Сартра, Милза, Гоулднера, Лазарсфельда. Потом я заметила, что все они были мужчинами, все белыми, и все – с Глобального Севера. Я начала читать более широкий спектр литературы.

Рейвин Коннелл, социолог из Австралии, известна своими исследованиями класса и власти, а также взаимоотношениями класса и гендера в процессе обучения. Она получила мировое признание благодаря своей теории гендерных отношений, представленной в монографии *Gender and Power* (1987), и подтащила свою репутацию книгой «*Masculinities*» (1995), которая фокусируется на часто цитируемом разработанном ей понятии гегемонной маскулинности. Обладая глубокими познаниями в истории социологии и признавая ее северные истоки, Рейвин развернула масштабную критику мейнстримовой социологии в своей скандальной статье «Почему классическая теория – классическая?», на основании которой затем была написана книга «*Southern Theory*» (2007), которая воздает должное теоретикам Глобального Юга. Методологический лейтмотив ее работы заключается в следующем: знание не может быть понято вне контекстов, в которых оно было произведено. С этими контекстами она сражалась в течение всей своей жизни. Больше информации Вы найдете на сайте <http://www.raewynconnell.net/>

После того, как я вернулась в Австралию, я дважды была вовлечена в группы, занятые созданием новой социологической программы в новом университете. У нас была возможность построить заново всю программу обучения; это был поистине удачный исторический момент. На сегодняшний день сотрудники университетов подвержены намного более жесткому контролю. И все же всегда остается место для изобретательности в процессе построения учебной программы.

> Институты

В Австралии около половины всего преподавания в бакалавриате производится временно нанятыми сотрудниками. Множество молодых людей с высшим образованием сводят концы с концами, работая сразу на нескольких местах с неполной занятостью, занимаясь преподаванием отдельных курсов в двух-трех университетах. Можно ли это назвать призванием? А в развивающихся странах даже нанятые на полную ставку преподаватели зачастую работают в нескольких местах.

Учитывая это, нелегко быть активным в институциональной системе социологии: в журналах, на конференциях, в исследовательских проектах или ассоциациях. И все же неолиберальные управленцы охвачены навязчивой идеей о том, что, несмотря на вышеперечисленные обстоятельства, необходимо измерять личную продуктивность работников умственного труда. Рейтинги престижа, доход от оплаты услуг, количество публикаций, грантовые доллары стали валютой современного университета – так же как индексы индивидуальной «продуктивности» стали валютой корпоративного мира. Сорок лет назад Клаус Оффе в своей прекрасной книге «*Industry and Inequality*» доказал, что это безумие. В

массивных сложно организованных системах невозможно рационально определить вклад отдельного индивида или даже категории работников, в общую производительность. Работа Оффе - пример крайне полезной социологии. Но наши наниматели забыли об этом.

Вместо этого корпоративный мир, поглощающий университеты, конструирует индивидуальную карьеру как симулированное призвание. Корпоративные руководители в интервью СМИ объявляют о своей неубиваемой страсти к корпорации и ее акционерам, страсти, которая обычно продолжается до того момента, как поступит звонок из кадрового агентства. В действительности они занимаются накоплением состояния. Очень небольшой процент сотрудников университетов сможет сколотить состояние. Однако большинство социологов могут участвовать в настоящем и безмерно важном коллективном проекте *накопления знания*.

> Социологическое знание

Современное состояние этого коллективного проекта – его институциональные механизмы и само существо этого знания – крайне проблематичны. Социологическое знание – осадок империализма девятнадцатого и эмпиризма двадцатого веков, приправленное темами, почерпнутыми из рабочего и женского движений и встроенное в разнообразные интеллектуальные культуры, от функционализма до деконструкционизма. Социологическая теория как академическая сфера поразительно евроцентрична. Социологические исследования механистичны и однообразны. Компьютеризация слишком часто заменяет хорошее знание реальных проблем производительностью машин. Социальные исследования в развивающихся странах довольно часто оказываются исследованиями низкого стандарта для людей с низкими доходами, как справедливо отметила Тандика Мкандавире – у них недостаточно высок уровень финансирования, они рассчитаны на слишком короткие сроки и не приводят к значительным теоретическим открытиям.

Поэтому социологический проект остро нуждается в критике социологии – критике, которая в настоящее время принимает новые формы. Я считаю, что самая главная критическая задача заключается в том, чтобы раскатать главенство социологического знания из Глобального Севера и поставить в центр социологической теории постколониальные общества и теорию, разработанную на Глобальном Юге. Эта критика встречает противостояние, и я понимаю, почему. В рамках дисциплины институционализирован северный взгляд, и тысячи социологов построили карьеру на этом основании, потратив огромные объемы энергии на то, чтобы заставить этот взгляд работать.

Социологические исследования сложны – во всяком случае, если стремиться к высокому качеству знания. Я советую своим студентам оставить книжки на полке до того момента, как понадобится отличить ортогональное вращение от косоугольного (совет начинающим: забудьте о косом). Каждая исследовательская проблема нова: задаются новые вопросы, доступны разные ресурсы, уникальные паттерны данных оказываются незаменимыми. Лучший способ изучения методологии – через практику. На втором месте – чтение хороших исследовательских отчетов, сопровождающееся размышлением о том, каким образом исследователи пришли к своим выводам. У каждого есть список из десяти таких работ. В мой список входят «Гендерная игра» Бэрри Торн, «От мальчиков к джентльменам» Роберта Моррела и

«Истоки европейской цивилизации» Гордона Чайлда. Все эти прекрасные исследования являются результатами адского труда. Долгосрочная сидячая работа с большим количеством информации – без этого колёса социологического воображения вращаются впустую.

> Аудитория, публика

Несколько дней назад я посетила мероприятие по случаю запуска веб-сайта с автобиографическими интервью лесбиянок старшего возраста (название сайта *55 Upity* (<http://55upity.com/>)). Многие участницы сиднейского лесбийского сообщества присутствовали при этом знаменательном событии, и много разговоров велось о смене поколений, о том, как артикулировать опыт старения. Здесь, мне показалось, я видела не просто саморепрезентацию воображаемого сообщества, но его самотрансформацию с помощью проекта, связанного с накоплением знания.

Социологи в основном хотят, чтобы их знание было полезным, в особенности для тех сообществ и институтов, в которых производятся исследования. Я участвовала в нескольких рефлексивных по своей логике проектах. К ним относятся проект по исследованию сексуальности и профилактики СПИДа, впоследствии использованный гей-сообществом Австралии (Kippax et al., *Sustaining Safe Sex*), и исследование социального неравенства в образовании, предназначенное для учителей и чиновников, разрабатывающих школьные программы (Connell et al., *Making the Difference; Schools & Social Justice*).

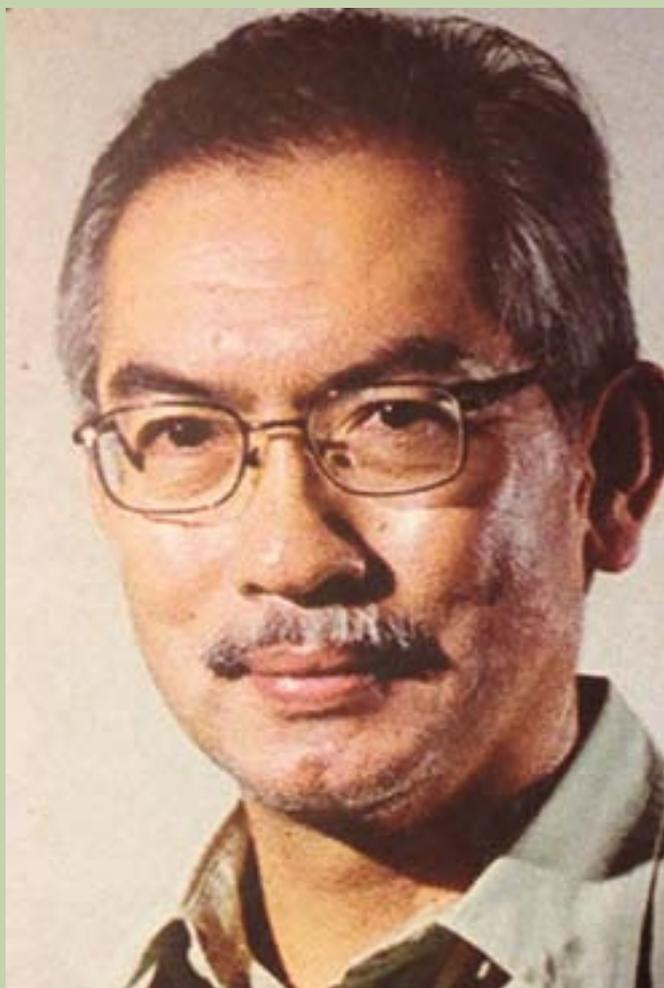
Социологи, работающие на базе университетов, нуждаются в связях с другими группами, которые могут использовать социологическое знание. Именно поэтому я ценю свои связи с рабочим движением, которое нашло применение нашим исследованиям класса, а также с учителями и педагогами, готовившими учителей, которые нашли применение нашим исследованиям в школах. В настоящее время моя работа не на кафедре социологии, а на факультете педагогики и социальной работы. Но на самом деле потенциальная аудитория социолога намного шире. Какая-то часть социологии попадает и в СМИ. Какая-то циркулирует мистическими путями через международные сети, публикации, переводы, путешествия, а также сплетни. Помоему, просто отлично, что мне в Австралию пишут люди из Бразилии, Эстонии или Китая, знакомые с моими работами и желающие поддерживать связь. Это дает мне ощущение, что социология может быть грандиозным глобальным проектом, основанным на взаимном проникновении и пересечении.

> Какова основная цель?

Я взялась за это ремесло, потому что считаю, что знание, производимое общественными науками, наиболее подходит для того, чтобы справиться с нашими общими проблемами – насилием, несправедливостью, разрушениями. Я все еще так думаю. Общественные науки могут сыграть ключевую демократическую роль в качестве центральной части общественного самопознания. Я поняла, как трудно произвести знание, как сложно применить полученное знание на практике. Я поняла, как много зависит от коллег и институтов. Я осознала, что нам необходимо рассматривать интересующие нас вопросы «в глобальном контексте», по словам Самира Амина. Это перспектива пугающая, но именно она вызывает вдохновение. Если социология – это призвание, то не в старом значении личного религиозного призвания. Это коллективное призвание, и таковым оно должно быть во всем мире. ■

> Социология как призвание: критическая вовлеченность в публичной сфере

Рэндольф С. Дэвид, Филиппинский университет, Кезон, Филиппины

Рэндольф Дэвид.

Социология не была моей первой любовью. Можно сказать, что я стал ею заниматься по причинам далеко не интеллектуального характера. Я поступил в Университет Филиппин в начале 1960-х, надеясь выучиться на юриста, как мой отец, то есть на кого-то, кто решал бы социальные проблемы, а не просто анализировал их. Тогда я поступал в университет не столько с целью получить образование, сколько с целью получить профессию.

Тем, кто планировал изучать юриспруденцию, было необходимо закончить бакалавриат по политологии, философии или же любой другой общественной науке. В то время требования были несколько ослаблены, и на юриста можно было поступить с любым дипломом бакалавра за плечами. Это в какой-то степени

Рэндольф Дэвид – необычный публичный социолог. Выдающийся ученый, автор отмеченной премиями книги «Нация, личность и гражданство: приглашение в филиппинскую социологию», Рэнди Дэвид во внеакадемическом мире наиболее известен благодаря своей воскресной колонке «Публичные жизни» (Public Lives), которую он ведет с 1995 года в газете Philippine Daily Inquirer, а также телевизионной программе «Публичный форум». Он стал источником вдохновения для множества студентов социологии и привнес в публичную сферу социологический взгляд.

положительно сказалось на ряде новых дисциплин – таких, как социология. Сначала я учился на факультете английской филологии. Я планировал пойти работать журналистом после окончания университета и посещать вечерние юридические курсы. Но когда ты молод, планы могут поменяться в любой момент. На третьем году обучения я записался на курс «Введение в социологию», прослышав, что преподаватель ставит хорошие оценки. Я хотел поднять себе средний балл, который был не очень высок из-за сложных курсов по литературе.

И вот я влюбился в социологию. Курс давно уже закончился, а я все продолжал читать книги по социологии. На последнем году обучения, к ужасу моего отца, я перевелся на факультет социологии. Это была одна из тех случайностей, которые определяют всю дальнейшую жизнь человека. Я встретил свою будущую жену на лекциях по социологии. То, что я узнало социальных проблемах, полностью трансформировало мои политические взгляды. Юриспруденция привела бы меня к конвенциональной карьере в политике, так как я проявлял активность в политической жизни университета. Я посещал лекции бок о бок с теми людьми, которые сейчас в моей стране составляют класс высокопоставленных законодателей.

Благодаря социологии я сформировал особое профессиональное видение, необходимое для изучения молодого и страдающего от множества проблем общества, коим являются Филиппины. Я освоил привычку дисциплинированного наблюдения, которое противостоит стремлению найти быстрое

>>

решение всякой проблемы. Именно этот подход Ханна Арендт назвала «пафосом изумления». Долгосрочная структурная ориентация, которую порождает социологический взгляд, хорошо сочетается с радикальной политикой. А в конце 60-х социологу было трудно не стать марксистом.

Но для академического социолога марксизм имеет другой смысл, чем для члена партии. В то время как последний неизбежно является заложником императивов революционной практики и от него ожидается сдерживание критического пафоса во имя интересов своей организации, марксистский социолог предсказывает крах любой ленинистской организации, потому что никогда не откажется от привычки рефлексировать. Он навсегда останется наблюдателем в большей степени, чем активным участником. Он критикует не только идеологию, собственные действия становятся объектом его неутомимого деконструирующего взгляда.

Именно поэтому, как мне кажется, практика никогда не привлекала социологов. К социологам не обращаются за практическими советами. Первичная задача социолога заключается в наблюдении второго уровня – наблюдении того, как люди в своей ежедневной практике делают определенный выбор. Сложность общества вызывает у социолога трепет перед существующим положением вещей, а не нетерпение, отчаяние или панику по поводу кажущейся нерешаемости общественных проблем.

Если таков характер социологической позиции, вполне логично задаться вопросом – есть ли в развивающемся обществе место для дисциплины, способной лишь наблюдать, а не предлагать решения? В действительности я много раз задавался этим вопросом.

И все же я хотел бы утверждать, что никогда для общества не было так важно освободить место для дисциплины, которая, вместо того чтобы предлагать быстрые рецепты по устранению социальных проблем, ставит под сомнение сами интерпретативные рамки, с помощью которых проблематизируется мир. Призвание политика предполагает темперамент, отличный от темперамента ученого. Нельзя стать эффективным политиком или общественным активистом, обладая привычкой подвергать себя

постоянному самоанализу. С моей точки зрения, рефлексия – главный враг практики.

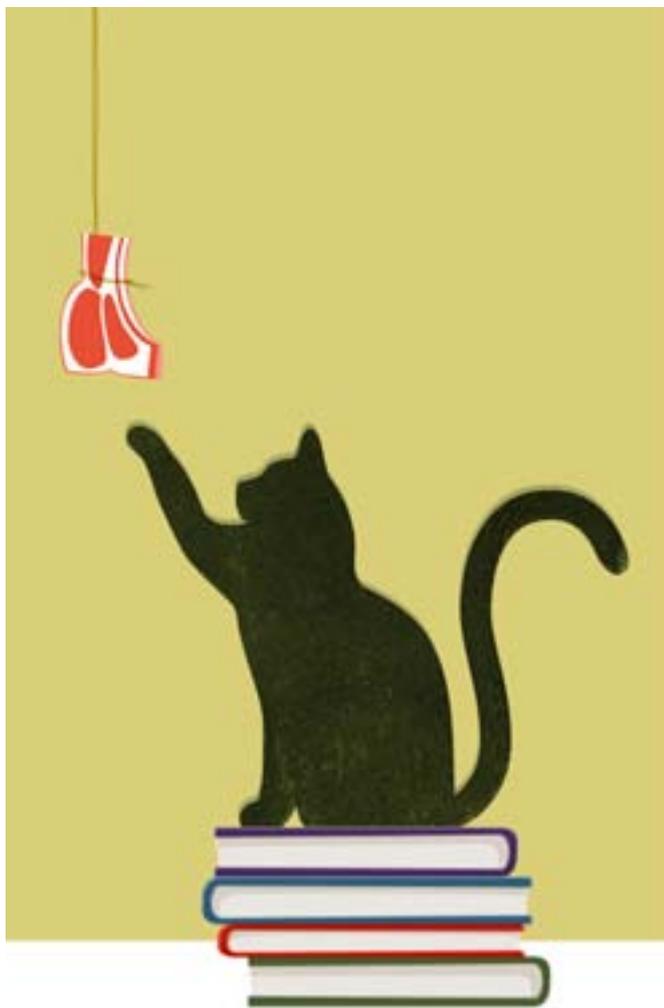
Мне казалось, что я достаточно хорошо осознавал все это, чтобы противостоять вовлечению в политику. Но я был неправ. В 2009 году я понял, что президент Филиппин, Глория Макапагал Арройо, собирается в конце своего срока занять кресло в конгрессе и таким образом обезопасить себя от правового преследования. Поскольку мы работаем в одном избирательном округе, я решил, что я могу остановить ее, сам став кандидатом. Вместо того, чтобы отказаться от этой идеи, в момент тщеславия я совершил ошибку и отнесся к ней серьезно.

Внезапно оказалось, что я собираюсь сыграть роль Давида, бросившего вызов политическому Голиафу Филиппин. Это звучало как прекрасная история в стране, давно искавшей перемен. Как социолог, я был более чем осведомлен о рисках, появляющихся при пересечении функциональных границ. Однако, я ничего не знал о конкретных проблемах моего избирательного участка. Я ранее не участвовал в выборах, да и финансов на участие у меня не было. Важнее всего, что у меня не было политического темперамента. Хотя я и участвую в оппозиции, но обладать властью мне не хотелось. Оказавшись в ситуации, когда назал дороги нет, я начал готовиться к вступлению в политический мир, на анализ которого я потратил всю жизнь, но чьи правила я не смог бы в адекватной мере понять за ограниченное время. В тот день, когда я должен был зарегистрировать свою кандидатуру, я решил, что не стоит тратить время и деньги моей семьи ради удовлетворения собственной прихоти. Мое решение выйти из игры подверглось атакам многих, в том числе моих друзей, ожидавших настоящей политической борьбы.

Вооруженный знанием социолог, действующий в публичной сфере, может оказаться в положении, когда необходимо противостоять власти. Если вы хотите при этом остаться социологом, вы должны бороться с властью не как политик или член политической партии, а как часть публики. Обязанность социолога – задавать политикам вопросы, а не пытаться обыграть их по их же правилам. ■

> Реакция: гендерная сегрегация в иранских университетах

Назанин Шахрокни, Калифорнийский университет, Беркли, США, и Парасту Докухаки, журналист, Тегеран, Иран

Иллюстрация, автор - Арбу.

С приближением нового учебного года, 6 августа 2012 года, Mehr News Agency, поддерживаемое иранским правительством, опубликовало сообщение о том, что 36 вузов страны исключили женщин из 77 областей исследования. Сообщение о данных ограничениях вызвало реакцию сродни международному скандалу. Ширин Эбади, иранский адвокат по правам человека, лауреат Нобелевской премии, ныне в изгнании и живущая в Великобритании,

написала письмо Пан Ги Муну, генеральному секретарю ООН, и Нави Пиллэй, Верховному комиссару ООН по правам человека, в котором осудила данную меру как «часть политики, проводимой в последнее время Исламской Республикой, в попытке вернуть женщин в частную сферу, к домашнему очагу, поскольку правительство не может терпеть их активного присутствия в общественной жизни». Пресс-секретарь Государственного департамента Виктория Нуланд зачитала заявление 21 августа, призывая «иранские власти защитить права женщин и исполнять собственные законы и международные обязательства, гарантирующие недопущение дискриминации во всех сферах жизни, в том числе и в доступе к образованию».

Высшие должностные лица сферы образования Ирана перешли к обороне, отрицая существование дискриминации по признаку пола. Камран Дэйнешджу, член кабинета министров, ставший публичным лицом ограничений, назвал историю чрезмерно раздутой БиБиСи и «Голосом Америки», вещающими на персидском языке. «Если они недовольны», сказал он, «это означает, что мы поступаем правильно».¹

Сейчас, когда учебный год в полном разгаре, очевидно, что буча, поднятая Ираном и западом, несколько ввела в заблуждение. Новые ограничения касаются как женщин, так и мужчин, и являются частью давно существующей схемы гендерной сегрегации. Подобные схемы уходят корнями в первые годы существования Исламской Республики и были опробованы различными правительствами для достижения разнообразных целей. В 1980-е государство пыталось физически отделить мужчин и женщин на территории кампуса, руководствуясь идеей о том, что смешение полов вне дома - это «не по-исламски» и опасно для общественной морали. Сегодня сторонники жесткого курса снова ратуют за «исламизацию» кампусов, но теперь с еще одной целью - устранить непреднамеренные последствия феминизации высшего образования в Иране. Новые меры гендерной сегрегации в первую очередь направлены на защиту жизненных шансов мужчин в сфере образования, брака и на рынке труда, а также защиту государства от политического давления на фоне высокого уровня безработицы и общего экономического спада.

> Дьявол кроется в деталях

>>

Женщины на фоне Верховного лидера Ирана, аятолы Хомейни.

Общий режим гендерной сегрегации – это лоскутное одеяло из различных практик, которые применяются, хотя и неравномерно, в университетах по всей стране. Многие университеты просто увеличили жесткие гендерные квоты, действующие уже с первого десятилетия Исламской Республики, согласно которым определенное количество мест выделяется для мужчин и женщин в каждой области знаний. Например, Тегеранский университет, считающийся флагманом иранского высшего образования, выделяет половину учебных мест для мужчин и половину для женщин почти в каждой дисциплине. Есть и исключения из системы квот “50 на 50”: университет им. Шахида Бехешти, тоже столичный вуз, принял 110 студентов-юристов - 60 женщин и 50 мужчин.

Другие школы выделяют студентов и студенток в две когорты, которые, по крайней мере, в теории, идут двумя потоками. Мужчины зачисляются в осенний семестр, а женщины - весной. На практике, однако, в связи с отсутствием какого-либо контроля над разделением в течение всего процесса, когорты смешиваются и все заканчивается тем, что мужчины и женщины оказываются на одном выбранном курсе. Так обстоит дело, например, в Университете Эрака в центральном Иране и в Университете Лурестана на горном западе. Такая политика проводится в основном провинциальными университетами - Исламская Республика часто использует провинции как полигон для проверки собственных наиболее спорных инициатив.

Тем не менее, некоторые другие университеты отвели определенные области исследований исключительно мужчинам; как правило, это те сферы, которые по экономическим или культурным причинам традиционно считаются «маскулинными». Программы, ориентированные исключительно на мужчин, получили

наиболее яркое освещение в СМИ. Иные учреждения, в свою очередь, также оставили определенные области исследований - зачастую «феминные» - исключительно для женщин. В 2012 году Университет им. Шахида Чамрана не принял ни одного мужчины на отделения истории, персидской литературы, психологии или педагогики.

Однако эту практику гендерного исключения при поступлении нельзя назвать общей для всей страны. Различные университеты приняли меры произвольно и очертили границу между «маскулинными» и «феминными» областями исследования буквально как получилось.

Гендерная сегрегация, однако, не сводится к административным практикам приемных комиссий. В начале 1980-х экстремистские группировки молодой Исламской Республики просили о том, чтобы в классах, на занятиях была введена гендерная сегрегация и в некоторых случаях между рядами мужчин и женщин на самом деле были возведены разделители. Аятолла Рухолла Мусави Хомейни, лидер революции 1979 года, как сообщалось, выступил против этой практики. Перегородки были сняты, но гендерная сегрегация сохранилась. В коридорах, классах, библиотеках, кафетериях появились знаки, направляющие «сестер» и «братьев» следовать отдельными маршрутами или сидеть в отдельных местах. Эти ограничения в конце концов исчезли, так как было затруднительно и дорого осуществлять контроль над каждым движением студентов. Министр образования и науки Дэйнешчжу хочет вернуть данные меры: “С этого учебного года юношам и девушкам придется сидеть на разных рядах, и деканы университетов несут ответственность за контроль этого процесса”.² Дэйнешчжу также стремится получить поддержку среди духовенства и в Меджлисе, иранском парламенте, идеи однополых университетов. Министерство утверждает, что данная цель заключается в создании во всех провинциях страны университетов исключительно для женщин.³

Остается неизвестным, будет ли государство пытаться направить женщин в эти исключительно женские пространства или они просто предоставят женщинам более широкий выбор в сфере высшего образования. Прошлый опыт, однако, показывает, что женщины использовали такие пространства как способ расширения доступа и присутствия в общественной сфере.

> Хлопок и огонь, мясо и кошки

Столкнувшись с оппозицией, Дэйнешчжу утверждал, что политика гендерной сегрегации «соответствовала линии требования Верховного лидера».⁴ Действительно, несмотря на свое несогласие с разделителями в классах в начале 1980-х годов, Верховный лидер аятолла Хомейни, судя по всему, принял концепцию гендерной сегрегации в конце 1990-х годов, во время реформистской администрации Мохаммада Хатами. В одном из выступлений лидер ругал министра науки того времени, Мохаммада Моина, за его беспечность: «Совместные образовательные школьные экскурсии и пребывание? Я сбит с толку! Есть места в мире, где смешение полов - это абсолютно нормально. Но в нашей стране, в исламской среде, это не так».⁵ Хойят-ол-Ислам Набилла Фазлалли, представитель Хомейни в Тегеранском университете имени Хаджеха Насира Туси, придал учению лидера новый импульс в 2009 году, говоря о своих «горьких воспоминаниях» о «ненадлежащей дружбе» на территории кампуса. «Женщины и мужчины как хлопок и огонь», продолжал Фазлалли. «Если вы не держите их отдельно друг от друга, хлопок загорается». Что привлекает мальчиков

>>

и девочек друг к другу - это «инстинкт и похоть» - и ничего более. «Когда вы бросаете кошке сырое мясо, она съест это мясо. Как может быть иначе?»⁶ Молодые люди согласно обоим метафорам готовы буквально сожрать молодых женщин, хотя все же ясно, что озабоченность духовенства направлена, главным образом, на мужчин.

Ранее в 2012 году во время религиозной телевизионной программы, ориентированной на молодежь, Хойят-ол-Ислам Назер Нахавиан, представитель Хомейни по вопросам культуры в Университете имени Шахида Бехешти, вспомнил сильную фрустрацию одного молодого студента, который спросил его, допустимо ли с точки зрения религии испытывать сексуальное влечение, находясь с женщиной в классе. Вторя Нахавиану, депутат Муттахари заявил: «Если мужчины и женщины смешиваются, то и сексуальные отношения должны быть разрешены, как в западном мире. В противном случае подавление сексуального желания приводит к различным психическим и психологическим проблемам».⁷ По мнению депутата, если представители обоих полов свободно смешиваются, то молодые люди будут должны подавлять свои желания. Мораль этой истории, видимо, в том, что если кошка не может съесть мясо, мясо должно быть отнято.

> «Потерянные в тени современной женщины»

Регулирование сексуальности - не единственный мотив для движения в сторону гендерной сегрегации, и опасения по поводу положения женщин в иранских для периода Ахмадинежада также не новы. В 1998 году впервые в истории Ирана в рядах поступивших в университеты женщин оказалось больше, чем мужчин. С тех пор количество женщин в университетах увеличивается. Общая тенденция к феминизации не ограничена высшим образованием. Согласно Фереште Рухафзе из Культурного и социального женского совета, подразделения Высшего совета Культурной революции, в последнее десятилетие наблюдается 269-процентное увеличение числа женщин в докторантуре, в то время как число женщин в степени магистра выросло на коэффициент 26.⁸

Правительственные чиновники и санкционированные государством новые агентства постоянно приводят эти цифры, наряду с другими, указывающими на резкий рост грамотности среди женщин (особенно в сельской местности), чтобы представить миру Исламскую Республику как защитника прав женщин. В коридорах власти, однако, статистические данные являются предметом беспокойства. Тайбех Сафаей, член Парламентской комиссии по образованию и исследованиям, беспокоится о замечательных успехах женщин в сфере образования: «Этот дисбаланс может привести к социальному кризису».⁹

Что имеется в виду под «социальным кризисом?» В консервативной прессе и в Интернете комментаторы высказывают обеспокоенность тем, что мужчины сдают свои позиции в сфере образования и на рынке труда. (На самом деле, мужчины по-прежнему доминируют на трудовом рынке и численно, и по уровню оплаты труда, но бытуют обратные представления.) Одна из таких статей звучит как своего рода реквием по мужской славе. «Современные мужчины», предполагает автор, теряются «в тени современных женщин»: «Очевидно, что мужчины становятся младшими партнерами». Слово «выпоротые» является лучшим прилагательным для описания современных мужчин. Изнеженность - основная характеристика современности: мужчины больше не мужчины, которыми они были раньше.

Женщины находятся в центре, как солнце, а мужчинам отводится место на периферии, бесполезное и покорное, как луна [чей свет является отражением солнца].¹⁰

> Защищая мужчину и государство

Выпуск государственного молодежного журнала, Hamshahri Javan, вышедший 15 сентября, посвятил целый раздел успехам женщин, изобразив их, однако, как опасность. Заголовок гласит: «Руки вверх! Женщины захватывают социальную сферу: сначала университеты, затем спорт, а теперь ключевые должности. Что станет следующей целью?»

Девочка с косичками, вооруженная штурмовой винтовкой, угрожает высокому человеку в котелке, с тонкими ногами, тень которого видна на стене. Иллюстрация отсылает к Daddy Long Legs, японскому аниме-телесериалу 1990 года (по мотивам американского романа 1912 года «Длинноногий дядюшка» Джина Вебстера), который был дублирован на персидский и показан по государственному ТВ в 1990-е. Сериал рассказывает историю о девушке, Джуди Эббот, которая учится в колледже благодаря богатому человеку, у которого она видела только силуэт. Можно интерпретировать обложку Hamshahri Javan как то, что иранские Джуди Эббот не только переросли потребность в мужском благоволении, но и становятся враждебными по отношению к мужчинам.

Феминизация высшего образования в Иране представляет собой явление, глубоко укорененное в процессе социальных изменений, а не в политических разногласиях внутри и за пределами Исламской Республики. Оппозиционные настроения по отношению к новому режиму гендерной сегрегации исходят не только от студентов и преподавателей, но и от консервативных женских групп. Критика была настолько ожесточенной, что некоторые университеты, такие как Университет имени Шахида Чамрана, аннулировали принятые ограничения на то, что и где могут изучать молодые мужчины и женщины.

Между тем, свидетельства иранской прессы и заявления должностных лиц указывают на то, что новый поворот к политике гендерной сегрегации, хотя и главным образом затрагивающей женщин, вызван в большей степени растущей озабоченностью кризисом маскулинности, воплощенном в образе сексуально неудовлетворенного, малообразованного мужчины, сталкивающегося с мрачным будущим. Государство хочет дать несостоятельной маскулинности, скорее, инъекцию жизненной силы, а не прощальный поцелуй набирающей силу феминности. И речь идет не о чувствах мужчин. Иран находится в экономическом кризисе, задавленный санкциями, истощенный девальвацией реала и высоким уровнем безработицы. Странники жесткой линии в системе контроля иранского государства принимают все возможные меры, чтобы предотвратить социальные волнения во главе с безработными мужчинами, которых, по их предположению, следует опасаться больше всего. ■

Источники

¹ Khabar Online, August 12, 2012.

² Fararu, July 7, 2011.

³ Fars News Agency, July 5, 2011.

⁴ Student News Agency (Iran), October 24, 2011.

⁵ Radio Farda, November 20, 2009.

⁶ Parsine, July 6, 2011.

⁷ Khabar Online, October 1, 2011.

⁸ Fars News Agency, February 10, 2012.

⁹ Tebyan, July 10, 2012.

¹⁰ Rasekhoon, April 30, 2012.

> Кто стоит за “зеленым движением” в Иране?

Симин Фадае, Гумбольдтский университет, Германия

Афиша документального фильма “Зеленая волна” демонстрирует силу зеленого движения.

После того, как вышли на улицы сторонники главного противника Махмуда Ахмадинежада, протестуя против результатов президентских выборов 2009 г., в Иране возникло “зеленое движение”. Впоследствии эти протестные настроения оформились в комплексное народное движение, активное как в реальном, так и в виртуальном пространстве. В свете продолжающихся споров о гражданских активистах

недавних восстаний на Ближнем Востоке, я исследую социальные корни “зеленого движения” в Иране. На мой взгляд, основным протагонистом движения является новая социальная сила, которую я называю “пост-исламистским милье” - именно оно было ядром иранских “зеленых” в 2009 г. Сходные силы оказались и в центре Арабской весны годом позже. Зеленое движение необходимо рассматривать в контексте так называемого Реформистского национального движения, возникшего в 1990 г. в ответ на победу исламизма после революции 1979 года и соответствующих экономических

реформ конца 1980-х. Зеленое движение, сформировалось в рамках Реформистского движения и стало его продолжением.

После революции исламизм стал доминировать во всех сферах социальной структуры. Уже существующие институты подверглись реорганизации с учетом законов и установок ислама; параллельно возникли новые исламские учреждения, призванные контролировать различные аспекты экономической, политической и общественной жизни. После завершения войны с Ираком и смерти Аятоллы Хомейни в 1988 г. была проведена

>>

рыночная реформа экономики для устранения последствий государственнической политики последних лет. В этом контексте и возникло Реформистское движение, призывавшее в первую очередь к диверсификации публичной сферы.

Пьер Бурдьё утверждал, что люди реагируют на различные (например, новые) ситуации на основании совокупности внутренних диспозиций, или габитуса. Люди со сходным габитусом, имеющие доступ к сходным ресурсам и ведущие сходный образ жизни, образуют “социальные милье”. В одной из своих публикаций я проанализировал возникновение пяти основных социальных сред иранского общества в начале 1990-х на основании изменений социальной структуры, берущих начало в поле пересечения исламизма и рыночной экономики.¹ В центре внимания данной статьи - одно из этих основных милье, “пост-исламистское”, породившее зеленое движение.

Пост-исламистское милье образуют горожане-представители среднего класса, имеющие доступ к высшему образованию и интернету: ученые, художники, журналисты и студенты. Отвергая “старые” нарративы и идеи Исламской республики, эти люди разделяют идею “нового” общества. По сравнению с членами других сообществ

они обладают более высоким уровнем глобального культурного капитала - владеют иностранными языками, имеют доступ к интернету и возможность выезжать за пределы страны. Некоторые представители этой среды в прошлом поддерживали процесс исламизации, но при этом отвергали ислам в качестве связующей силы, составляющей основание нации. Это сообщество объединяет общая растущая озабоченность по вопросам социального плюрализма, гражданских прав и либеральной демократии, что, в свою очередь, повлекло за собой новые требования.

Победа Мохаммеда Хатами на выборах в 1997 году и проводимые его правительством реформы стали значительной победой Реформистского движения. На выборах 2005 года, однако, победу одержал Ахмадинежад, сделавший ставку на экономические и популистские аспекты, привлекая внимание части традиционного среднего класса, рабочего класса и сельских сообществ. В последующие годы эти группы были разочарованы растущей безработицей и замедлением экономического роста, приведшими к ухудшению их экономического положения к 2009 г. Более того, были сведены на нет все основные демократические достижения Реформистского движения эпохи Хатами.

Ветер перемен подул незадолго до выборов 2009 г. и выразался в широкой поддержке кандидата от реформистов Мусави, последователи которого были мобилизованы в ответ на спорное переизбрание Ахмадинежада. Эта оппозиция выросла в зеленое движение, повестка дня которого стала включать впоследствии более широкие политические задачи.

Пост-исламистское сообщество являлось ядром Реформистского движения на ранних этапах его развития. Однако дальнейшее развитие движения и в особенности появление его зеленого последователя стало возможным только с участием других социальных милье - традиционного среднего класса и рабочего класса. В ситуации нехватки общественных институтов, способных оказать поддержку тем, кто оказался перед лицом экономического разорения и лишения политических прав, зеленое движение стало осознавать себя как политическая оппозиция режиму, в результате превратившись в многослойную и разноплановую силу, обладающую потенциалом к изменению старых политических, социальных и экономических структур в Иране. ■

¹ Fadaee, S. (2011) “Global Expansion of Capitalism, Inequalities and Social Movements: The Iranian Case,” in Boike Rehbein (ed.) *Globalization and Inequality in Emerging Societies*. Basingstoke: Palgrave-Macmillan.

> Присваивая прошлое:

“зеленое движение” в Иране

Аббас Варий Каземи, Нью-Йоркский Университет, США

“Зеленое движение” ввело собственную “Молитву Зеленой пятницы”, перенимая одну из центральных традиций исламского государства, но нарушая один из ее священных принципов - сегрегацию мужчин и женщин.

заявлял о себе эффектными акциями. Таким образом, иранские социальные преобразования неизменно связаны с формами протеста, которые иранский средний класс использовал в переговорах между религией и властями.

> “Демонстрация тишины”

15 июня 2009 года «демонстрация молчания» накрыла главные улицы Тегерана. За три месяца до наступления тишины предвыборные волнения наполнили улицы жизненной силой и надеждой. До июньских выборов 2009 года повседневная жизнь поддерживалась духом оптимистичной политики. Люди привыкли собираться на улицах, не опасаясь вмешательства полиции, сияли автомобильные фары, и руки взметались вверх с чувством надежды. После выборов «демонстрация молчания» 15 июня стала переломным моментом в судьбе Иранского “Зеленого движения”.

Демонстрация вывела сотни тысяч протестантов на площадь Азади, по которой участники прошли в

>>

В 2009 году в Иране возникло необычное общественное движение, известное тогда и сейчас как “Зеленое движение”. Это был не экологический протест, а движение, вызванное несогласием с результатами президентских выборов, зарождающимся желанием самовыражения и реформ, а также коллективной волной народного политического оптимизма. Дома и за границей иранцы участвовали в уличных демонстрациях с требованиями правовых и политических реформ. Некоторые характеризуют “Зеленое движение” как религиозное. Однако хотя оно действительно заимствовало религиозную иконографию и лексику, эти элементы были освобождены от их первоначального религиозного значения, и демонстранты использовали их по-новому в определенном политическом контексте. Этот процесс переосмысления символов

и ритуалов является примером концепции тактики Мишеля де Серто, утверждающей, что, если государство отказывается предоставить пространство для протеста, народ присвоит то, что ему доступно. В случае с Ираном политизировались религиозные символы.

Стратегии государства не соответствовали тактике народа. В стране, насыщенной санкционированными и организованными государством религиозными ритуалами, есть немало областей - событий и пространств (times and spaces) - которыми можно манипулировать. Так, религиозность “Зеленого движения”, его «Зеленый Ислам» является просто дискурсивным элементом нового общественного движения. “Зеленое движение” было в значительной степени мобилизацией подчиненного сегмента тегеранского среднего класса, который время от времени

Photo: shaigan

FARS NEWS AGENCY

Частью стратегии культурной ресигнификации, проводимой “зеленым движением”, является присвоение и “реполитизация исторического значения зеленого цвета.

За несколько месяцев до президентских выборов 2009 года улицы, автомобили и люди Тегерана были облачены в зеленый цвет – зеленый был виден повсюду. Даже в Интернете иранские блоггеры выражали поддержку Движению, оформляя свои сайты в зеленом цвете. Его повсеместное присутствие дало новую жизнь городу и его жителям, а также обозначило потенциал политических реформ. Браслеты из зеленой ткани, которые раньше считались оберегами для неизлечимо больных, ищущих милосердия и чуда, стали неотъемлемой частью повседневной одежды молодых представителей среднего класса Тегерана. Это заимствование больше не олицетворяло исцеление физических недугов, а относилось к более критической болезни – реабилитации политического и социального здоровья Ирана. На данном этапе коллективное использование и демонстрация зеленого цвета стали новым пространством протеста.

> Преобразование старых лозунгов

Стратегией “Зеленого движения” было присвоение политических лозунгов, использовавшихся на улицах Тегерана во время революции 1979 года – лозунгов, отражающих неповиновение государству. Вслед за революцией 1979 года новое правительство Исламской Республики Иран переняло лозунги и риторику протестующих в качестве части своей официальной идеологии. Со временем большинство иранцев забыли революционную риторику, поскольку государство перестало представлять изначальные цели движения. Но в 2009 году протестующие вспомнили лозунги 1979 года, вернув их к жизни очищенными от влияния и повестки дня нынешнего режима. Молодежь среднего класса Ирана в зеленых браслетах надежды наполнила

молчанию. Руки митингующих были подняты не с предвыборным энтузиазмом, а в знак протеста. Этот безмолвный протест был вызван народным гневом по поводу решения правительства запретить публичные собрания и митинги после оспариваемых президентских выборов. В отличие от своих предшественников, возглавивших революцию 1979 г. с целью изгнать Шаха, участники “Зеленого движения” не вернулись домой, к своей нормальной жизни, и не оставили революцию на попечение правительства или государства. Молодежь из иранского среднего класса искала пути для того, чтобы остаться включенными и продолжить борьбу за свои требования. Несмотря на жесткие меры правительства против “Зеленого движения”, его участники находили инновационные подходы для продолжения протеста.

Как в жесткой и нетерпимой политической структуре Ирана становятся возможными общественные движения? Я полагаю, что концепции тактики и стратегии де Серто указывают на такие возможности. В рамках его подхода сопротивление в обществах с крайне сложной структурой власти и повсеместным ее присутствием может проявляться только через невидимые, тактические и скрытые практики. Следуя де Серто, я покажу, как “Зеленому движению” удалось переопределить значения и роли конкретных мест и символов.

> Реполитизация зеленого цвета

Начнем с названия движения и его символического цвета – зеленого. В течение политически нестабильных месяцев после президентских выборов зеленый цвет символизировал протест и несогласие, которые следовало понимать в иранском историческом контексте, где зеленый имеет глубокие культурные и религиозные корни. С одной стороны, зеленый цвет имеет религиозное значение. Среди мусульман-шиитов он воспринимается как сакральная отсылка к пророку Мухаммеду и его семье. В прошлом сакральная природа зеленого цвета также олицетворяла протест, символизируя оппозицию шиитов господствующей религии (суннитам). На протяжении всей своей истории культура шиитов развивалась на основе активного противодействия правящим партиям, включавшего создание подпольных сетей сопротивления. На протяжении веков мусульмане-шииты выражали свой протест, демонстрируя и используя зеленый цвет, например, в ритуализации траура по замученным собратьям. Начиная с XVI века, когда шиитский ислам стал доминирующим, зеленый цвет стал сакральной частью культурного устройства Ирана. Таким образом, зеленый цвет имел политическую значимость еще до июня 2009 года, когда лидеры городского среднего класса превратили его из символа религиозного сопротивления в символ политического протеста против режима.

улицы, маршируя и выкрикивая переосмысленные лозунги 1979 года. Такие лозунги и настроения отразили идею Эрнста Блоха о привлечении неосуществленных желаний прошлого (революции 1979 года) в целях достижения «потенциальных возможностей в будущем». Так «Зеленое движение» использовало популярный революционный лозунг 1979 года «Независимость, свобода и Исламская Республика», который государственные медиа превратили в клише, и который теперь был направлен против государства.

Хотя создается впечатление, что лозунги протестующих и Исламской Республики идентичны, изначальные смыслы сменились совершенно новыми, показав, что Революция 1979 года - еще незавершенный проект. Забытые в свое время политики вернулись с такими лозунгами как «Аллах Акбар» и «Ya Hussein, Mir Hossein». Старый лозунг 1979 года был превращен в военный лозунг во время восьмилетней ирано-иракской войны, когда иранские солдаты кричали «Аллах Акбар» («Бог велик»), атакуя врага. Лозунг был реполитизирован во время протестов после выборов 2009 года. Девиз «Ya Hussein, Mir Hossein» относился к умершему религиозному лидеру шиитов Иمامу Хуссейну, к которому зывали об оказании помощи Миру Хоссейну, имея в виду Хоссейна Мусави, лидера оппозиции и героя «Зеленого движения». Таким образом, лозунги спонсируемые религиозным государством были превращены в политические речевки оппозиции.

> Политика поминовения

Альтернативное использование пространства и места «Зеленым движением» уходит корнями в шиитскую культуру, в которой огромное значение имеет память о прежнем статусе этого религиозного вероисповедания меньшинства. После казни религиозного лидера Имама Хуссейна в Карбале в день Ашура (680 г. н. э.) у мусульман-шиитов появился лозунг «Каждый день и место – это Ашура и Карбала». Мусульмане шиитского толка восприняли этот лозунг, и он стал символом их культуры

– его наследие проявляется в пересказах и актах поминовения. Хотя первоначально шииты были далеки от победы, акт пересказа был признан триумфальным, превратив день Ашура в современный ритуал в Иране. Как и ранние мусульмане-шииты, участники «Зеленого движения» использовали национальные праздники (День студента, День Палестины) и другие национальные и религиозные события как возможности организовать протесты и площадки для оппозиции. Этот феномен также привел к появлению неофициальных праздников, таких как «зеленые пятничные молитвы» или «зеленая горная экскурсия», создающих дополнительные возможности продолжить выступления против правительства.

> Малые СМИ и политика

«Вы – медиа» - таким был мощный лозунг «Зеленого движения», его послание правительству, показывающее, что медиа – это сильное оружие, которое каждый может использовать для передачи и выражения несогласия. Лидер оппозиции, Мир Хоссейн Мусави заявил следующее: «Если государство закроет дверь, мы должны найти окно. Как только одна газета будет закрыта, другая должна быть создана в рамках закона. Вместо каждого закрытого блога должны быть открыты десятки альтернативных».²

Поскольку многие независимые газеты и сайты были закрыты, электронная почта и текстовые сообщения оказались жизненно важными инструментами информирования людей о том, когда выходить на улицу. Социальные сети (напр., Facebook) также стали важными источниками текущей информации, в то время как БиБиСи и другие традиционные медиа сражались за оперативность освещения событий. Протестующие, использующие видеокамеры и телефоны, чтобы делиться новостями и информацией, мгновенно стали гражданскими журналистами и контент-провайдерами, вследствие чего события часто транслировались «в живую» в прямом эфире зарубежных информационных

агентств.

> Территории власти и акты поминовения

«Зеленое движение» развивалось в традициях пострелигиозных общественных движений. Хотя движение использует религиозную иконографию и лексику, в нынешнем изложении эти элементы были освобождены от своих религиозных смыслов. Однако мы должны помнить о том, что мощные структуры государства имеют свойство восстанавливать свое господство. Попытки сопротивления часто забываются, когда пространства и возможности снова захватываются государством, что наводит на мысли о кажущейся тщетности сопротивления. После поствыборных протестов оппозиционная деятельность была остановлена - сотовая связь отключена, текстовые сообщения контролировались и, наконец, ношение символов «Зеленого движения» было запрещено. Публичных митингов или просто собраний людей в Тегеране стало немного, и происходили они далеко друг от друга. Спустя шесть месяцев после начала протестов все символы протеста были убраны с улиц и люди вернулись к обычной жизни. В то же время, признаки подпольной жизни, граффити и, что самое главное, акты поминовения все еще используются в качестве механизмов мобилизации. Родилась новая культура подполья, в которой люди выступают в качестве рассказчиков.³

¹ De Certeau, M. (1984) *The Practice of Everyday Life*. Berkeley: University of California Press.

² <http://www.irangreenvoice.com/article/2010/apr/18/2594>

³ I would like to thank Ali Sabbagi and Halima Adam for their excellent editing of the English version of this article.

> Жестокость египетской контрреволюции

Мона Абаза, Американский университет в Каире, Египет

Иконический мученик Халед Саид, убитый полицейскими мубаракского режима в Александрии. Убийство Саида - один из основных инцидентов, давших толчок для революции в январе 2011 года. Разбитое и измученное лицо Саида повторяется как тема во множестве граффити и фотографий. Фото Моны Абаза.

Многие египтяне удивляются, как им удается выживать в ужасающем ежедневном насилии Братьев-мусульман, и это приводит их к переосмыслению событий последних двух лет - начиная с января 2011. Для многих соблазнительной оказалась мысль о том, что военная хунта - более приемлемый вариант по сравнению с теперешним

режимом Братьев-мусульман, по сути лишь повторяющим коррумпированных чиновников Мубарака, но - с бородами. Миссия режима, как неустанно повторяют мусульманские фашисты в статьях, комментариях и ток-шоу - напомнить нам о том, что существует ряд аналогий между современной египетской ситуацией и европейской историей, и они нуждаются в скрупулезном анализе.

>>

Интерпретации происходящего различны. Военная хунта или исламисты у власти; конфликтное разделение труда между этими двумя политическими силами (Братья на сцене гражданской жизни и военные за кулисами); прогноз о том, что противоречия в политике армии и Братьев по отношению к Синайскому региону неминуемо выльются в открытую войну из-за наднациональных амбиций Братства, не отвечающих национальным интересам армии - все это сводится к тому, что военный переворот может случиться быстрее, чем мы думаем.

В любом случае, Египет в последние месяцы стал свидетелем систематических убийств, множества похищений, унижений, нападений, избений с летальным исходом и еп тасе инцидентов намеренного уродования протестующих. С другой стороны, в условиях отсутствия полиции место той силы, которая призвана защищать граждан от преступности и мародерства, по-видимому заняла особая форма "народной справедливости". Обитатели трущоб чинят собственное правосудие, коллективно убивая, сжигая заживо и публично забивая до смерти убийц и воров, периодически осуществляя и набеги на полицейские участки.

В этом тексте я пытаюсь переосмыслить роль тела в борьбе за новую публичную культуру несогласия на примере реакции на введенный режимом Морзи комендантский час в Порт Саиде в январе 2013. Весь город вышел на улицы, тем самым решительно отвергая решение режима путем организации массового присутствия во время футбольных матчей и других публичных событий. Сейчас, в начале марта, когда я пишу эту статью, гражданское сопротивление продолжается практически во всем Порт-Саиде на фоне все более значительной массовой поддержки.

Со времени прихода Морзи к власти Египет испытал крещендо убийств, похищений и насилия над революционной оппозицией. Налицо публичное проявление насилия в невиданных ранее пугающих масштабах; многие шутят, что свернутый диктатор Мубарак кажется добряком по сравнению с неприкрытым и безоглядным

нарушением прав человека в рамках режима исламистов. За те восемь месяцев, что длится президентство Морзи, режим стал причиной сотен мученических смертей по всему Египту в результате столкновений в Порт-Саиде, Александрии, Измаиле, Суэце, Рафахе, Мансуре, Махалла-аль-Кубра и других провинциях, не говоря уже о самом Каире, где произошли столкновения на площади Тахрир, улице Мохаммеда Махмуда в 2012, а также события в президентском дворце¹. Только за период с 25 января 2013 в Порт-Саиде было убито 53 человека.²

Сегодня многие задаются вопросом, не были ли многочисленные стычки во время режима Мубарака все тем же ответом на жестокость и насилие со стороны полиции? Уместно вспомнить убийство Халед Саида в Александрии, вызвавшее революцию, а также бесчисленные предшествующие этому случаи насилия в полицейских участках. Разве не они стали причиной революции в январе 2011? Так чем же теперешняя ситуация отличается от предыдущей?

В отличие от времен Мубарака, сегодня мы являемся свидетелями повторяющихся и систематических публичных оскорблений человеческого достоинства, происходящих после революции, ставшей ответом на потребность это достоинство восстановить. Это коллективное телесное унижение практикуется режимом, претендующим на защиту революции. Публичное отравление силы имеет, несомненно, значительный эффект благодаря постоянно муссирующим событиям медиа. Кроме того, исламисты, в прошлом жертвы режима Мубарака, став инициаторами революции, теперь отчаянно, как никогда раньше, пытаются "побрататься" с государством, назначая на ключевые посты своих последователей, стремясь в долгосрочной перспективе к теократической модели государства. Однако они стали репродуцировать дискурса, методы и процедуры своего противника - старого режима, - с той лишь разницей, что они стали еще более жестокими в отношении уличных действий.

Последние месяцы породили коллективное непонимание, если не коллективный гнев, против

постыдной мимикрии Братьев и их непродуктивных стратегий, что является прекрасным примером контрреволюционной деятельности. Возможно по этой же причине несколько египетских психиатров отмечали в последнее время шизофренические признаки у тех, кто сменил у власти Мубарака и призывает к соблюдению исламской морали и чистоты, в то же время провоцируя наиболее унижительные телесные практики, в числе которых - раздевание донага мужчин и женщин, волочение по улицам, побои и избиение ногами, уродование или просто убийство протестующих. То, каким образом исламистская милиция осуществляла акты возмездия по отношению к младшему поколению революционеров, калеча и истязая молодых мужчин и женщин во дворце, заставляет многих задуматься, являются ли такие акты отражением частных садистских наклонностей или же это проявление коллективного расстройства, возникшего в результате долгого противостояния авторы ареной власти и контркультуры.

С тех пор, как Братья-мусульмане послали в президентский дворец вооруженных боевиков для убийства мирных протестантов и оборудовали камеры пыток, мы стали свидетелями возникновения принципиально нового уровня насилия и его публичного осуществления, рассчитанного на запугивание протестующих. Инцидент произошел 5 декабря, когда, под предлогом защиты президента, милиция наводила ужас, открыто убивая людей.³ Прямые репортажи с места событий были шокирующими, так как постоянно демонстрировались сцены убийств. По телевидению можно было увидеть акты целенаправленного и систематического насилия. Ночью несколько спутниковых каналов показали кадры столкновений протестующих с вооруженной милицией. Канал CBC+2 всю ночь транслировал страшные сцены выхватывания внутренними службами молодых людей из толпы и жестокого избиения их до смерти. И все же многие говорили: что же в этом нового? Все-таки насилие было еще при режиме Мубарака.

YouTube был заполнен свидетельствами того, что в Порт-

>>

Открытый Музей революции с портретами ее мучеников в центре площади Тахрир. Экспозиция музея воспроизведена в президентском дворце в Гелиополисе. Несколько раз полиция устраивала рейды на площади Тахрир. В конце концов музей был уничтожен. Фото Моны Абазы.

него целившимся, хотя в медиа было объявлено, что он был убит по ошибке. Однако в официальной прессе не упомянули, что это был двенадцатилетний бедный уличный мальчишка.

Ряд аналитиков напоминают нам, что подобная жестокость - не новость. По сути, блогер Sandmonkey⁷ и антрополог Нелли Али, работающая с уличными детьми⁸, выдвигают одно и то же соображение: то, свидетелем чего становится сегодня Египет, является ничем иным, как продолжением практик режима Мубарака. Совсем недавно уличные дети находились под угрозой насилия и систематического истребления, Совсем недавно египетские тюрьмы были концентрационными лагерями. Новое в том, что все это стало частью повседневности среднего класса. Жестокость больше не щадит их сыновей и дочерей. Последние несколько месяцев свидетельствуют о том, что жертвами режима все чаще становятся привлекательные молодые люди среднего класса, словно снова стареющий, патриархальный и злопамятный режим продолжает приносить в жертву молодые и красивые тела, чтобы продлить собственное безысходное существование. ■

¹ *Al-Tahrir*, February 16, 2013, p. 9.

² The Egyptian Initiative for Human Rights, February 19, 2013,

<http://eipr.org/pressrelease/2013/02/19/1635>

³ Tadros M. "Signs of Islamist Fascism in Egypt?", December 8, 2012, <http://www.opendemocracy.net/5050/mariz-tadros/signs-of-islamist-fascism-in-egypt>, retrieved February, 14, 2013.

⁴ *Al-Tahrir*, February, 12, 2013.

⁵ *Al-Tahrir*, February, 12, 2013.

⁶ *Al-Tahrir*, February, 14, 2013.

⁷ Salem M. "The Horror", *Daily News*, February 11, 2013, <http://www.dailynewsegyp.com/2013/02/11/the-horror/>

⁸ Ali N. *al-Shuruq*, February, 15, 2013.

Саиде снайперы убивали не только протестантов, но и простых прохожих, а также участников похоронных церемоний, идущих за гробом. Были засняты и камеры пыток - и инцидент стал достоянием гласности. Привычной тактикой запугивания режимом женщин стали изнасилования бандами из 300-400 головорезов, напавших на примерно 20 женщин за последний месяц. Частью повседневности стали серии похищений и насилия над молодыми революционерками, которые позже обнаруживались нагими и полумертвыми. Так в этом месяце был убит молодой Мохаммед аль-Гунди, принадлежавший к партии "Народное течение", хотя официальные источники утверждают, что он погиб в автокатастрофе.⁴ Оппозиционные медиа, пресса и организации по защите прав человека считают, что в определенной мере подобное качественное изменение в масштабах насилия оказывается систематически организованной стратегией, заставляющей молчать любого противостоящего Братству. Возьмем, например, орды насильников в Тахрире и то, как они движутся организованными кольцами с тем, чтобы отделить и изолировать женщин от группы, раздеть донага, изнасиловать и изрезать их влагалище ножом, чтобы причинить наибольшую боль в самых интимных

местах. То, что некоторые молодые девушки получили серьезные травмы, полностью игнорировалось Морзи. Возьмем, к примеру, тот факт, что все эти случаи насилия абсолютно идентичны. И если Совет Шуры подливает масла в огонь, продвигая закон об ответственности женщин за насилие, мотивируя это тем, что прежде всего им не следовало участвовать в демонстрациях в Тахрире, это означает лишь одно: режим легализует преступление.

Под девизом систематического истребления противников режима были убиты члены движения 6 апреля и несколько админов Фейсбука, другим угрожали смертью. Были случаи и пыток некоторых лидеров сопротивления в Махалла-аль-Кубре.⁵ Дети не стали исключением - пресса распространила новость о заключении под стражу 114 детей в тюрьме лагеря Торах и аль-Габал-аль-Ахмар. Было страшно услышать в эфире о том, что некоторые родители, после долгих поисков обнаружившие своих детей в разных тюрьмах, не смогли узнать их - настолько те были обезображены жестокими пытками. Кроме того, нацию потрясла история двенадцатилетнего ребенка, бедного продавца сладкого картофеля в Тахрире, убитого двумя пулями.⁶ Позже было выяснено, что мальчик был убит солдатом, специально в

> Индийские университеты становятся машинами для получения прибыли

Сатендра Кумар, Делийская школа экономики, Дели, Индия

Реклама бизнеса по лицензированию образования в Уттар-Прадеше

и неакадемических сотрудников. Ниже я расскажу о том, как подобная коммодификация привела к полному упадку государственного университета в Мератхе, штат Уттар-Прадеш, и как на смену этому институту пришла извращенная система частного образования.

Университет им. Чоудхари Чарана Сингха (CCSU), основанный в 1966 году назван в честь лидера фермерского движения и бывшего премьер-министра штата. Университет предлагал обучение в магистратуре (MA), готовил магистров филологии (M. Phil.) и докторов философии (Ph.D.) в области свободных искусств и наук. Кроме того, с университетом были аффилированы около 55 колледжей искусств, наук и управления (магистерские и аспирантские программы). Инфраструктура университета оставляла желать лучшего, уровень преподавания был невысок, а аудитории — переполнены студентами. Однако в целом, несмотря на это, учебное заведение справлялось с задачей предоставления разностороннего образования людям всех классов и каст. Ситуация кардинально изменилась в начале 2000-х, когда университет в соответствии с изменениями в государственной политике (включающими резкое сокращение бюджета) перешел к тактике накопления средств, выдавая сертификаты и другие удостоверения, дающие возможность вести профессиональную подготовку на основе самоокупаемости — сначала в рамках факультетских программ, а затем и в аффилированных государственных колледжах.¹

Университеты всего мира сегодня находятся под двойным давлением — с одной стороны предъявляет требования государство, с другой наступает необходимость коммодификации. Индийские университеты не являются здесь исключением. В конце 1990-х правительство Индии, следуя глобальным тенденциям и требованиям Всемирного банка, заявило, что высшие учебные заведения должны постараться увеличить собственные финансовые ресурсы за счет повышения оплаты обучения, частных пожертвований, а также получения доходов от частных консультаций и других мероприятий. С точки зрения правительства, данное решение необходимо для уменьшения государственных расходов. В апреле 2000 года Совет премьер-министра по торговле и промышленности учредил Комитет по реформам в системе образования под руководством Мукеша Амбани и Кумармангалама Бирлы. Комитет посчитал образовательный рынок чрезвычайно прибыльным и предложил оставить на государственном финансировании лишь начальное образование и полностью коммерциализировать высшее образование. Таким образом два предпринимателя произвели полную коммодификацию высшего образования. За последующие годы уменьшилось бюджетное ассигнование высшего образования и был практически остановлен найм постоянных академических

Инициатива университета по выдаче сертификатов третьим сторонам для ведения профессиональной подготовки привела к тому, что на базе многих местных предприятий были открыты новые колледжи. Этот факт вскоре привлек внимание безработных образованных молодых людей, которые занимались репетиторством. Предложение заинтересовало также местных политических деятелей, имеющих доступ к университетской бюрократии и доминирующему политическому классу. В одно мгновение множество мелких образовательных центров превратились в профессиональные колледжи. Тысячи акров общественной земли были перекуплены у фермеров

>>

по ничтожным ценам и выделены местными властями в пользование политикам. Политики организовали колледжи под прикрытием благотворительности, которое позволяло придумывать новые способы «превращения черных денег в белые» и уходить от налогов². За десять лет было создано более 350 таких частных колледжей в городе Мератх, пригородах и ближайших поселениях. Университет CCSU выдал всем этим колледжам лицензии на преподавание машиностроения, менеджмента и фармакологии, позволяющие выпускать бакалавров образования (Bachelor in Education, B.Ed). Частные учреждения вряд ли заинтересованы в преподавании искусств, общественных наук и философии. Результатом стало то, что CCSU с уровня большого комплексного государственного университета опустился до уровня машины по выдаче сертификатов прибыльным частным колледжам.

Разрушение властями института государственного высшего образования и развитие частного сектора привело к множеству негативных последствий в отношении качества образования и социальной справедливости. Было создано множество учреждений, управление которыми происходит вопреки правительственным указаниям о частных вузах. Как результат, сотни колледжей и институтов не имеют ни нормальной инфраструктуры, ни квалифицированного преподавательского состава. Сегодня можно столкнуться с учреждениями, где студенты зарегистрированы на бумаге, но преподавание в реальности не ведется. Такие колледжи обходят существующие правила, начисляя гигантский подушный налог³, неподъемный для студентов бедных и низших классов.

Чтобы помочь студентам из бедных слоев и низших каст, государство предложило стипендии и субсидии для тех институтов, где к обучению на курсах повышения квалификации допускаются студенты из социальной группы Scheduled Caste (SC), описанной в конституции Индии. Но этот шаг не способствовал осуществлению социальной справедливости, а скорее пошел на пользу частным вузам, которые стали использовать эту программу для собственной выгоды. Многие колледжи и институты наняли на работу так называемых «консультантов» (брокеров), которые подготавливают списки SC-студентов при помощи квартирных опросов в пригородах Мератха. При опросе студентам предлагают поступить на образовательные курсы с предоставлением государственной стипендии. Во многих случаях студенты не заинтересованы в обучении, но «консультанты» все равно заводят на них документы. Кроме того, многие студенты таким образом без своего ведома могут «поступить» в более чем один колледж. В первом случае студенты получают выгоду в виде стипендии, не посещая сами курсы, в то время как владельцы колледжа получают огромные субсидии. Во втором случае владельцы колледжей и консультанты получают доход, вовсе не предоставляя студенческих пособий.

Таким образом, огромные государственные деньги отмываются и переходят в частный сектор.

Частные колледжи, кроме того, превратились в политические машины для сбора голосов избирателей. Многие политики учредили профессиональные колледжи в сельских районах и пригородах. Один из мотивов такого решения — приобретение дешевой земли за пределами города. Эти политики создают имидж благотворителей, помогающих не только своей касте, но и людям другой кастовой и классовой принадлежности, живущим в сельской местности, где все еще мало образовательных учреждений. Частные колледжи становятся инструментами патронажа в отношении бедных родителей, которые не могут уплатить огромные подушные налоги, и надеждой для образованной молодежи в поисках работы. Во время выборов эти родители и молодые люди проводят кампании и голосуют за своих благотворителей.

На самом деле государственные ресурсы используются для финансирования экспансии индийского частного сектора. Подобная приватизация не только породила богатый класс владельцев колледжей, принадлежащих к высшим и средним кастам, но и усугубила неравенство в доступе к высшему образованию. Большой процент выпускников частных колледжей либо поступают на курсы повышения квалификации, либо устраиваются на работу с очень низкой зарплатой. Бедняки и SC-студенты находятся в затруднительном положении в лабиринте частных колледжей. Соответственно, результат — воспроизводство классовой и кастовой позиции, а также чистейшая инструментализация знаний. Я исследовал данный феномен только в городе Мератхе и на западе штата Уттар-Прадеш, но предполагаю, что приватизация образования в любом месте Индии будет иметь сходные последствия — если государственные предписания можно обойти при помощи взяток и других форм коррупции. Таково отражение общемировой тенденции перехода общественных благ в руки частных игроков с молчаливого согласия государства или при его поддержке. ■

¹ Студенты, посещающие платные курсы, тратят на такие курсы больше, чем на обычные. Однако платные курсы проходят в рамках той же инфраструктуры, что и бюджетные: те же здания, преподавательский состав, библиотеки. Если коротко, то государство предоставляет публичные ресурсы для нужд частного образования.

² Управление образовательным учреждением считается социальным обслуживанием и не облагается налогами.

³ Подушный налог — неофициальный платеж, в Индии часто необходимый для поступления.

> Немецкие социологи бойкотируют академический рейтинг

Клаус Дерре, Штефан Лессених, Инго Зинге, Университет им. Фридриха Шиллера, Йена, Германия

Йоханна Зиттель, студентка магистратуры Университета им. Фридриха Шиллера, присоединилась к множеству других немецких социологов, поддержав национальный бойкот системы академического рейтинга.

В университетах и институтах высшего образования всего мира сейчас происходят структурные изменения, приводящие их в соответствие с принципами предпринимательского университета (entrepreneurial university). Новые государственные инструкции, адресованные вузам, предполагают, что все большее количество университетов должны управляться подобно частным предприятиям. Соответственно, университетские ресурсы должны распределяться согласно производственному учету и целевым контрактам. Академический капитализм пришел и в Германию, и его основным инструментом являются таблицы факультетских рейтингов. Обратная сторона академического капитализма — рутинная сводящая научную деятельность к демонстрации количественных показателей производительности (финансирование исследований, количество докторантов и магистров) и пренебрегающая качественными критериями. Работа в академической сфере кардинально изменилась как в организационном плане, так и по своему содержанию. На пути преподавания и исследования встает все больше препятствий административного характера. Измерение производительности руководствуется логикой увеличения масштабов («нет предела совершенству»), которая ведет к интенсификации работы, стрессу и перегрузке практически у всех групп академических работников. Вместе с этим все сильнее проявляется негативное влияние этой тенденции на качество исследований и преподавания.

Вот почему Германская социологическая ассоциация (ГСА) приняла решение противостоять академическому капитализму путем бойкота рейтинга ЦВО (Центра

>>

развития высшего образования). Это наиболее влиятельный рейтинг в немецкоговорящем мире. Качество преподавания и исследований, репутация ученых, научная инфраструктура и международное признание - все это критерии оценки университетских факультетов. В целях оценки университетские администрации проводят сбор данных (к примеру, об источниках внешнего финансирования), опросы студентов, консультации с некоторыми преподавателями. Результаты публикуются уважаемым еженедельником Die Zeit. Разумеется, эта информация имеет большую важность для руководства университетов и научной бюрократии.

Недавно ГСА обратилась к факультетам, лекторам и студентам с призывом не участвовать в составлении рейтинга ЦВО. Впервые подобная инициатива была предпринята в Институте социологии Университета им. Фридриха Шиллера в Йене. Этот институт был отмечен в таблицах рейтингов как один из лучших, и он использовал свою позицию, чтобы публично заявить об отказе от участия. Объявление было сделано вскоре после публикации результатов рейтинга 2011 года. Текст объявления гласил:

“В новом рейтинге ЦВО 2011/12 года, опубликованном в Die Zeit, Институт социологии Университета им. Фридриха Шиллера занимает верхнюю позицию. Мы рады подобному выражению признательности за нашу работу. Однако мы скептически относимся к инструменту рейтинга университетов как таковому. Мы считаем, что информация, предоставляемая рейтингом ЦВО, не имеет высокой ценности, в частности, потому, что значительное количество университетов было оценено на основе неполных данных. Во-первых, университетский рейтинг служит инструментом создания соревновательной культуры в научном сообществе. Он систематически производит победителей и побежденных, но никак не влияет на качество научной

работы. Соответственно, Институт социологии не считает нужным участвовать в следующем туре этого соревнования. Как уже было сказано, мы будем проводить совещания с советом и комитетом ГСА для координации совместного подхода к этой проблеме. После этого мы сможем обменяться мнениями по поводу подходящих инструментов для подтверждения научной состоятельности и способов обеспечить студентов информацией о различных социологических программах в немецких университетах.”

Бойкот получил широкую огласку в СМИ. Его поддержали ГСА и большая часть факультетов социологии в Германии. Другие дисциплины также объявили ЦВО бойкот. Историки, специалисты по английской литературе, химики, педагоги и политологи сейчас также решили игнорировать рейтинг.

Нельзя сказать, что все администрация всех университетов единогласно поддержала бойкот. ГСА дала понять, что не будет из принципа отказываться от оценки академической производительности. Таким образом, совет ГСА в октябре 2012 принял решение разработать альтернативную, исключительно описательную систему для информирования студентов. Также было принято решение о создании рабочей группы под названием “Task Force Studiengangsevaluation”, чья функция заключается в обсуждении альтернативных действующих механизмов оценки. Бойкот войдет в «горячую фазу» во время летнего семестра 2013 года. Предстоящие месяцы покажут, достаточно ли количество студентов и ученых поддерживают бойкот. В настоящий момент результат неизвестен, однако социологи из Йены и Германии в целом обращаются к мировому научному сообществу с просьбой последовать их примеру и бойкотировать рейтинги. ■

Больше информации можно получить здесь:

www.soziologie.de/che

> Похищабельные: о нормализации насилия в городах Мексики

Ана Вилларреаль, Калифорнийский университет, Беркли, США

Этот рисунок Аны Вилларреаль был вдохновлен Facebook-профилем 31-летнего бизнесмена и любителя охоты, которого похитили из собственного офиса в 2012 году. Несмотря на то, что семья заплатила несколько выкупных сумм, через неделю его нашли застреленным на шоссе, пролегающем недалеко от города. Опасаясь подобной участи, многие предприниматели в Монтеррее приняли решение наблюдать за своим делом с некоторого расстояния и перенесли рабочее место ближе к дому или прямо к себе домой.

Каролина сходила с семилетней дочкой в кино на «Рапунцель» и сильно пожалела об этом. В течение нескольких месяцев после посещения кинотеатра маленькая Мариана боялась, что кто-то залезет к ней в окно и украдет ее. «Я знаю, что есть плохие люди», — говорила она матери. Каролина упомянула об этом разговоре в интервью со мной за чашкой кофе на балконе у себя в доме, расположенном в богатом квартале города Монтеррей в Мексике. «Да, но не нужно об этом волноваться», — ответила Каролина дочери, «во-первых, это не замок. Во-вторых, у тебя не волшебные волосы. В-третьих, в те времена не было ворот и сигнализации, а родители принцессы спали далеко от нее, мы же спим в соседней комнате». Потребовалось немало фантазии и труда, чтобы убедить Мариану в том, что о ней заботятся и в школе, и в спортзале, и у родственников. «Да пошел этот Дисней!», — в гневе заключила Каролина. «Зачем они вообще делают фильмы про похищение детей?»

Фильм породил страх, испытываемый сегодня многими мексиканцами

>>

— страх быть похищенным. Ранее распространенное лишь среди высших классов, похищение людей теперь встречается во всем классовом спектре таких городов, как Монтеррей, индустриальный центр на северо-востоке Мексики с населением в 4,5 миллиона. Когда-то привлекательный для предпринимателей, Монтеррей в последние годы фигурировал в заголовках новостей как место ужасной наркопреступности. Фотографии повешенных и описания множества обезглавленных трупов, обнаруженных на близлежащих шоссе, обошли весь мир и опубликованы на разных языках. Однако наркопреступность стала катализатором других форм криминального поведения, не освещенных в заголовках, но столько же разрушительных для местного населения.

Согласно недавним исследованиям, проведенным в Мексике, похищение людей — это вид преступности, оказывающий наибольшее влияние на гражданское чувство незащищенности, даже большее, чем убийства, связанные с организованной преступностью (CIDAC, 2012). Данные официальной криминальной статистики по вопросу похищений не являются надежными, так как жертвы и их семьи нечасто сообщают об инцидентах — по причине низкого уровня доверия к полиции и правовым учреждениям, не говоря уже о страхе возможных прямых угроз от похитителей. Тем не менее, тщательный анализ доступной статистики преступлений выявляет тенденции роста количества похищений как в Мексике целиком, так и отдельно в штате Нуэво Леон, где расположен Монтеррей (Mexico Evalua, 2011). Здесь я рассматриваю один из показателей распространенности похищений в городах Мексики, опираясь на текущие полевые исследования механизмов, с помощью которых рост насилия трансформирует монтеррейскую повседневность.

Насилие становится нормой, когда оно входит в область обычного словоупотребления и повседневных практик. Что касается языка, в

последние два месяца я стала слышать лингвистические новшества, служащие реакцией на рост числа похищений, по крайней мере, из уст представителей среднего и высшего класса. Люди начинают определять себя как *secuestrable* или *no-secuestrable*, по-русски — «похищаемые». Впервые я услышала этот термин в пятницу, 25 января 2013 года, от 43-летней женщины, принадлежащей к высшему классу, Люсии, которая, невзирая на собственный страх и тревогу родных, собралась с духом и поехала в загородный дом, находящийся в предместье Монтеррея. Этот двухэтажный дом с большим бассейном, окруженный десятками апельсиновых деревьев, давно пустовал из-за криминальной и военной активности в этом районе. Как только мы добрались до места, Люсия, попивая пиво и подставляя живот солнцу, стала рассказывать: «Моя семья считает, что мне не стоит сюда приезжать, так как я похищаемая». Она добавляет: «Любой из нас может попасть в перестрелку, со мной это уже случилось. Но волноваться нужно не об этом, а о том, что мы настолько изолированы друг от друга, что тебя могут похитить, потому что ты похищаемая, за тебя могут потребовать выкуп».

Второй раз я услышала этот термин от 28-летнего Сантьяго, живущего в районе, где живут представители среднего класса. Во время интервью во вторник, 26 февраля 2013 года, он объяснил мне: «Я не похищаемая: я зарабатываю примерно 17 тысяч песо в месяц, мне хватает, ну, сколько у меня может быть на банковском счету? Если бы мой доход был 100 или 200 тысяч, я бы чувствовал себя похищаемым. Моя машина — скромная Шевроле Кавальер 2002 года». Марка машины здесь играет важную роль, так как многие жители Монтеррея поменяли свои машины на более дешевые, чтобы обозначить скромный образ жизни. Один из них продал «БМВ» одному из друзей Сантьяго, и Сантьяго стал беспокоиться за друга. Тот утверждает, что это старая модель «БМВ» и стоит дешево, но Сантьяго говорит, что похитители могут этого

не знать. Сантьяго вспоминает, как говорил другу: «Они могут тебя похитить, и как ты тогда заплатишь?» Так что беспокойство существует не просто по поводу того, похищаем ли человек или нет, но и насколько похищаемым он кажется преступникам.

В данном контексте лингвистический показатель нормализации насилия — это превращение глагола *secuestrar* (похищать) в прилагательное. Высокий уровень похищений конструирует новую форму социальной классификации, связанную с преступностью. Она разделяет население на две группы: тех, кто рискует быть похищенным, и остальных. «Похищаемость» в этом контексте становится целостной характеристикой личности, определяющей ряд потребительских практик, режим дня, сферу занятости и стратегии передвижения (исследованиями последних я сейчас занимаюсь).

«Детям не нужно им знать, что такое случается», — добавляет Каролина ближе к концу интервью. «Я же хочу их от этого защитить, сохранить эту защитную оболочку, сохранить их детство». Каролина говорит, что не считает себя похищаемой, но старается не покидать пределы богатого района, в котором живет. Она больше не носит часы «Картье» и не водит яркую машину. Она не читает газеты и не смотрит новости по телевизору. Она редко бывает в обществе вечером и ограничивает свой круг общения бывшими однокурсниками и семьей. Она четко описывает эти перемены и твердо уверена, что, конструируя «оболочку» для маленькой Марианы, она также пытается создать «оболочку» для себя. Однако к концу интервью она мимоходом добавляет: «Интересно, как люди живут в зонах военных действий? Как они это делают? Как справляются со страхом? Наверное, это ужасно». ■

Источники

CIDAC (2012) *8 Delitos Primero*. Índice Delictivo. Centro Integral para el Desarrollo, A.C. México Evalúa (2012) *Indicadores de víctimas visibles e invisibles de homicidios*.

> Социальная фрагментация мексиканской молодежи

Гонзало А. Сарави, Центр исследований и высшего образования в области социальной антропологии (CIESAS), Мехико

Кажется, неравенство является неотъемлемой чертой Мексики. Даже после десятилетия умеренного экономического роста и улучшений по некоторым социальным индикаторам страна показывает очень высокий уровень социального неравенства. В целом поднялся уровень образования населения, базовые медицинские услуги получили большое распространение, а программы таких денежных пособий, как, например, *Oportunidades*, сейчас охватывают более 5 миллионов домашних хозяйств — примерно 1/5 часть общего населения страны. И все же эти программы предоставляют весьма скромное и непостоянное подспорье для снижения уровня бедности.

Тем не менее, за этими и другими индикаторами повышения уровня жизни скрывается стабильное неравенство. В контексте противоречивых тенденций возникает новая модель «неравного включения». Привилегии и депривация существуют бок о бок, игнорируя и даже молчаливо принимая друг друга. В условиях фрагментации социальной структуры неравенство совершило качественный скачок. Оно проявляется в пространствах включения, которые характеризуют не только отношения неравенства, но также социальную и культурную дистанцию.

Процесс фрагментации становится очевидным, когда мы рассматриваем взросление.

Детство и молодость представляют собой ключевые периоды жизни. С одной стороны, возможности и ограничения, возникающие на этой возрастной стадии, могут определить перспективы человека и условия его благополучия в будущем. С другой стороны, это критические моменты социализации и субъективации, определяющие то, как будет происходить интеграция взрослого человека в социокультурные пространства. Литература на эту тему содержит важные идеи о механизмах структурного неравенства, однако мы гораздо меньше знаем о том, каким образом неравенство приводит к процессу социальной фрагментации. Переход к зрелости и опыт молодости являются идеальными процессами для исследования теорий социальной фрагментации как в структурном, так и в социокультурном измерении.

**“Возможность
межклассовых встреч
практически равна
нулю”**

Доступность образования в Мексике существенно возросла за последние десятилетия. По сравнению с 1990 годом начальное образование (до 9 лет включительно) стало к 2010 году почти повсеместным. Среди молодых людей в возрасте 25-29 лет среднее количество лет, посвященных образованию, выросло с 7,9 до 10,2. К тому же было проведено несколько серьезных конституционных реформ, последняя из которых (2011 года)

продлила обязательное образование до 12-летнего возраста. Однако в то же время образовательная система претерпела глубокую фрагментацию. Дети и молодежь из привилегированных классов посещают одни и те же частные школы, имеют больше ресурсов для обучения в школе и дома, и следовательно, получают более качественное и разноплановое образование. Дети из более бедных групп населения также посещают социально гомогенные школы, однако их инфраструктура менее надежна, а педагогических ресурсов недостает для поддержки учащихся из семей с маленьким социальным или культурным капиталом. В результате наблюдается значительная разница в оценках успеваемости. К примеру, на международном экзамене PISA по естествознанию с заданиями не справились только 25% студентов из верхней четверти социально-экономического и культурного индекса. Во второй же четверти не сдавших экзамен было 56%, а в первой (нижней) — целый 71% студентов.

Последствия фрагментации не ограничиваются академической успеваемостью. Они отражаются и на школьном опыте, и на значении образования для учащихся. Для привилегированных детей и молодых людей школа представляет собой целостный и заверченный опыт. Большая часть их жизни проходит и организуется в школе, которая становится важнейшим местом социализации, определения идентичностей и конструирования

культурного капитала. Гомогенность и социальные сети, выстроенные в школах, распространяются на другие пространства и сохраняются с раннего детства вплоть до зрелости. Школа для этих детей — единственный возможный путь взросления, и их образовательные траектории являются непрерывными и линейными. При этом для детей и молодежи из более бедных страт школа представляет собой ограниченный опыт, имеющий место наряду с другими занятиями и обязанностями. Для этих детей и молодежи бедных слоев значимость образования в значительной степени определяется другими заботами, интересами и внешними обстоятельствами. Таким образом, образовательные «карьеры» таких детей чаще всего прерывисты и изломаны, и с течением времени образование теряет важность по сравнению с другими путями и пространствами перехода и социальной интеграции. Фрагментация в области образования коррелирует с городской фрагментацией. В крупных городах Мексики и других стран региона идет процесс усиления сегрегации по месту жительства. В случае Мехико, например, бедная периферия увеличилась в размерах и стала еще более удаленной от центра. В то же время привилегированные классы концентрируются в определенных районах города, а также в закрытых сообществах с ограниченным доступом. Ограждение и изоляция характерны не только для элиты. Подпитываемые отсутствием безопасности в городе и страхами, эти тенденции также распространились на средний класс и даже на представителей низшего класса, ориентированных на восходящую социальную мобильность.

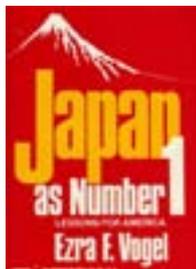
Социально-пространственная фрагментация выходит за рамки

сегрегации по месту жительства и распространяется на опыт взаимодействия с городом и городскую социальность детей и молодежи. Жилье, школа, торговые точки и развлекательные центры являются социопространственными узлами, определяющими городской опыт отдельных индивидов. Это основные пространственные ориентиры, центры социальных отношений. Процесс фрагментации создает особую структуру, характеризующуюся неравенством: бедные и привилегированные молодые люди производят совершенно разные городские географии и имеют разные пространственные привычки. Определения нормальной городской жизни, того, что значит жить в городе, этими двумя группами конструируются в контекстах, имеющих абсолютно различные характеристики в том, что касается транспорта, жилья, улиц, зеленых насаждений, торговых центров и даже поведения, способа одеваться и говорить. Это относится не только к городам, отличающимся разительным различием и неравенством, но также и к пространствам внутри городов — они взаимно исключают друг друга и не имеют точек пересечения. Даже когда шкала сегрегации исчезает, в городской жизни молодые люди из одной группы избегают «иных». Городская жизнь характеризуется социальной гомогенностью взаимодействий и встреч. Привилегированные молодые люди не ходят в открытые публичные места. Они живут в закрытых кондоминиумах, учатся в частных университетах, занимаются потреблением в эксклюзивных торговых центрах и ресторанах, ездят на частных автомобилях. Из двадцати студентов двух частных университетов, с которыми я

проводила интервью, лишь трое не имели собственных машин. В то же время из 19 информантов — учащихся государственных университетов ни один не имел машины. 90% из них на предшествовавшей интервью неделе пользовались общественным транспортом более трех дней. Среди привилегированных молодых людей, напротив, тот же опыт имели лишь 15% (те три человека без машин). Не только элита уходит из публичных пространств. Новые полупубличные пространства, закрытые или имеющие различные типы приватной безопасности, появились и для других социальных классов. Однако в открытом публичном пространстве доминируют простые люди. Возможность межклассовых встреч и получения общего социального опыта практически равна нулю. Более того, вне города пространствами для общения молодых людей могут выступать разве что пустыри или запретные зоны. Во взаимодействии с незнакомыми людьми, если его невозможно избежать, преобладает обоюдная стигматизация, или же оно встраивается в контролируемые иерархические отношения. Подобная социальная фрагментация имеет два следствия. Первое — вероятность, что, скрытая за социальными индикаторами, указывающими на успех и прогресс, формируется социально одобряемая модель «неравного включения». Второе — формирование отдаленных друг от друга и взаимно исключаящих социальных и культурных пространств может ослабить коллективную ответственность и затруднить признание и осознание «иного». Социальная фрагментация может скрыть неравенство, но в то же время разрушить социальную сплоченность. ■

> Социальное неравенство в современной Японии

Савако Ширахасэ, Токийский университет, член местного Комитета по организации Всемирного конгресса МСА 2014 года в Йокогаме, Япония

Книга Эзры Вогеля, социолога и специалиста по Средней Азии, «Япония как номер один: уроки для Америки», изданная в 1979 году, стала японским бестселлером.

В послевоенной Японии дебаты по вопросам неравенства были возрождены особым образом: размытое разделение на классы и японская уникальность были странным образом сближены друг с другом. Япония стала первой успешно индустриализированной азиатской страной. Период быстрого экономического роста, который начался в 1950-х годах, преобразовал структуру промышленности страны и сделал Японию ведущей экономической державой. Особое значение имела книга американского социолога Эзры Фогеля (1976) «Япония как номер один», восхищался многими институтами японского общества, и порадовал многих японских читателей тем, что аппелировал к их чувству превосходства. В экономическом измерении, по крайней мере, Япония может гордиться своими достижениями. Превозносился японский национальный характер: именно Япония, именно японцы смогли добиться беспрецедентного экономического роста. С тех самых пор, как особенностям японского характера стало приписываться такое каузальное значение, отличия от других стран стали преувеличиваться и представляться качестве абсолютных и категоричных.

С 1970-х и в течение 1980-х стало популярным, модным понятие «общество среднего класса». Несмотря на некоторое снижение темпов роста, средний уровень душевого дохода продолжал расти, большинство японцев было в состоянии позволить

себе бытовые электроприборы и автомобили. В сравнительном исследовании распределения доходов в 1976 году, Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) определила Японию как наиболее эгалитарную страну (Sawyer, 1976). Это было воспринято как еще одно свидетельство японской «исключительности», и характеристика Японии как общества гомогенного и общества среднего класса получила дополнительный импульс. Такие уверенные утверждения о Японии как эгалитарном обществе начали исчезать с конца 1980-х и в 1990-е годы на фоне растущих сомнений относительно степени социального равенства.

Япония вступила в период затяжного экономического спада после краха «экономического пузыря» в начале 1990-х годов. Уровень безработицы, особенно среди 15-19-летних выпускников школ, резко возрос с 6,6 процента в 1990 году до 12,8 процента в 2002 году. Что еще более важно, традиционная японская система занятости, которая ранее была представлена в форме стажа и трудоустройством на протяжении всей жизни, не была гарантирована. Одной из основных движущих сил, которые способствовали высоким темпам экономического роста в 1950-60-е годы была благоприятная экономическая среда, в которой компании могли позволить себе подготовку молодых работников сразу после завершения ими образования, а также обеспечить их самих и их семьи средствами к существованию. Система стажа обеспечивала работникам молодого и среднего возраста безопасное будущее до такой степени, что они могли планировать свою жизнь на основе гарантированной занятости. Тем не менее, в настоящее время, почти половина лиц в возрасте от пятнадцати до двадцати четырех лет, которые не являются школьниками или студентами, трудоустраиваются на нестандартные рабочие места и, следовательно, не в состоянии вести экономически самостоятельную

жизнь.

С одной стороны, молодые люди утверждают, что они не готовы вступить в брак из-за отсутствия экономической безопасности, что препятствует возможности оказания поддержки своей семье. Однако с другой стороны, молодые женщины утверждают, что их нежелание выйти замуж и завести детей обусловлено, в первую очередь, страхом потери своей свободы. Очевидно, гендерное неравенство, которое имеет глубокие корни в семейной системе, вносит значительный вклад в социальное неравенство современной Японии. Семья является одним из наиболее важных японских социальных институтов и играет важную роль в обеспечении базовой безопасности. Наличие семьи, на которую можно положиться, может облегчить социально-экономические трудности. На самом деле, матери-одиночки без помощи семьи и пожилые одинокие вдовы сталкиваются с высоким риском тяжелых экономических трудностей.

Гендер и поколение являются ключевыми факторами в структурировании классового неравенства в Японии, но макро-исследований такого неравенства проведено немного, хотя они очень важны при рассмотрении различных социальных и общественных вопросов. Действительно, мы можем сказать, что все индустриальные общества сталкиваются с социальными проблемами, которые необходимо анализировать в категориях социального неравенства, которые предполагают выявление как различий, так и сходства между странами. ■

Источники

Sawyer, M. (1976) "Income Distribution in OECD Countries" *OECD Employment Outlook*.

Vogel, E. (1979) *Japan as Number One*. Cambridge: Harvard University Press.

> Хайку: красота в простоте

Коичи Хасегава, Университет Тохоку, Сендай, глава местного Комитета по организации Всемирного социологического конгресса 2014 года в Йокогаме

Памятник Басё Мацуо на одной из улиц города Хигасинаэ, префектура Ямагата. Поэт был проездом в этом городе, когда возвращался из Хираидзуми, где он написал свое знаменитое хайку о бренности человеческой славы.

Хайку - самая короткая поэтическая форма. Будучи изначально частью традиционной японской культуры, сегодня она широко признана в иных культурах и языках. Традиционное хайку состоит из 17-ти и менее слогов, размещенных в трех строках по 5-7-5 слогов; также необходимо присутствие слова или фразы, указывающих на время года. Эти два правила и составляют все требования к написанию хайку. История хайку начинается во времена великого мастера поэзии Басё Мацуо (1644-1694), бывшего также заядлым путешественником. С тех пор явление хайку обрело чрезвычайную популярность, став частью обыденной жизни японцев. Значимые газеты Японии ежедневно печатают знаменитые хайку, снабжая их пояснениями; представляют еженедельные подборки из хайку, присланных читателями, из которых регулярно отбираются наилучшие, по оценке четырех или пяти специальных арбитров, 40-50 поэм. Составители хайку собираются в клубах выходного дня страны для того, чтобы обсудить свои работы и развить поэтические способности. В современной Японии проживают миллионы поэтов и энтузиастов хайку.

Необходимым элементом хайку является простота - концепт, который присутствует также в дзен-буддизме, чайной церемонии, в японской кухне. Пребывание в состоянии простоты - это значимая ценность, отраженная в японской культуре и понимании красоты жизни. К примеру, традиционная японская живопись может показаться отчасти схематичной, так как избегает экспрессии, буйства красок, излишних линий. Следуя такому пути, искусство призывает к вашей активной интерпретации этих упрощенных и интуитивных актов высказывания художника. Сходным образом хайку

>>

воздерживается от чрезмерного употребления слов и фраз; считается важным оставить неявные обертона хайку для собственной интерпретации читающего. Ядро смысла хайку содержится всего лишь в одной или двух фразах всего стиха. В общем и целом, хайку являет собой красоту простоты.

Позвольте же, дорогие друзья - социологи из всех частей света, представить вам самое знаменитое хайку, написанное Басё Мацуо, ставшим прародителем явления хайку в XVII столетии:¹

**Летние травы,
След в вас я вижу
Воинских снов.**

Басё написал это в 1689 году по посещении Хираидзуми (в настоящее время префектура Ивате), места, где в XII веке произошло известное сражение. Год за годом пышные летние травы восходят на разоренном войной поле битвы; и всё же такое поле славит собой извечную силу природы, являет ее цикличность. Что касается воинов, то они испытывали лишь кратковременные и преходящие надежды и желания. В этих трех строках Басё ярко показал контраст между вечно-обновляющейся могучей природой и краткой жизнью политической воли отдельного момента. Таким образом хайку задействует весь поэтический арсенал - метафоры, контраст, символизм; однако не использует эти техники ради них самих. Показывать только природное, не отклоняясь - вот черта, характеризующая экспрессию хайку.

С давних времен Природа составляет центр жизни японцев. Существование четырех отчетливо различающихся сезонов позволяют человеку возрастить в себе чувства к каждому из них, равно как и ко времени их смены. Как много известно вам слов и выражений, связанных, например, с понятием дождя? Современный японский словарь включает в себя более чем 160 существительных, относящихся к дождю - таких, как “шелковистый дождь”, или “капли

цветочного дождя” - то есть такого, который срывает лепестки вишни в её полном цвету. Японская культура предлагает тонко оттененные выражения для описания дождя и других сезонных явлений. Деликатный характер этой культуры привлекателен для многих искренних любителей хайку в Японии и за рубежом. Я сам являюсь таким энтузиастом, с радостью пишу от десяти до двадцати хайку ежемесячно. В дополнение моей карьеры как социолога, я выпустил сборник своих хайку, озаглавленный Ryoku-U (Дожди в сезон зеленых листьев). Будучи экологическим социологом, я вдохновляюсь природными явлениями и событиями, даже неблагоприятными. Создание хайку сходно с запечатлением момента нашего опыта - в жизни ли, в обществе, в природе, - на карманную фотокамеру.

Я бы хотел завершить это эссе еще одним хайку на тему дождя, записанным Басё Мацуо в замке Чусон-дзи в Хираидзуми:²

**Сиятельный чертог из золота,
Обошли ли тебя своей яростью
Весенние дожди?**

Хираидзуми, где когда-то Басё Мацуо отобразил один момент жизни в своих “Летних травах”, теперь является признанной ЮНЕСКО частью мирового наследия (<http://whc.unesco.org/en/list/1277>). Он находится в трех часах пути от Иокогамы, города, где будет происходить Всемирный социологический конгресс 2014 года.

Хайку и социология имеют много общего - они анализируют, критикуют и описывают опыты нашей жизни в обществе и природе. ■

¹ пер. Константин Дмитриевич Бальмонт, по книге: К. Д. Бальмонт. «Золотая россыпь»: Избр. переводы / Сост. и вступ. ст. А. Романенко. М., «Советская Россия», 1990.

На японском языке это хайку звучит так: Natsukusa ya/ Tsumamono domo ga/ Yume no ato.

² По-японски звучит так: Samidare no/ Furinokoshite ya/ Hika ridou.

> Встреча Исполнительного комитета в Бильбао

Майкл Буравой, Калифорнийский университет, Беркли, президент МСА

Члены Исполнительного комитета на экскурсии по городу Бильбао.

Ежегодная встреча Исполнительного Комитета МСА проходила в течение пяти дней в Бильбао в университете Страны Басков. Она была любезно организована профессором Бенхамином Техериной, членом Исполнительного комитета, и его коллегами с факультета социологии. Два дня встречи совпали с международной конференцией «За пределами кризиса: социология встречается с новыми формами риска, неясности и опасности», в которой участвовали как члены исполнительного комитета, так и приглашенные члены программного комитета.

Пятидневный марафон начался с отдельных встреч комитетов: программного комитета конгресса в Йокогаме в 2014 году (председатель – вице-президент Ракель Соса Элизага), комитета по публикациям (председатель – вице-президент Дженнифер Плэтт), комитета по финансам и членству (председатель вице-президент Роберт ван Крикен), комитета по координации исследований (председатель вице-президент Маргарет Эбрэхем), и комитета по связям между национальными ассоциациями (NALC) (председатель вице-президент Тина Уй). Резюме докладов приведены ниже.

Общие собрания исполкома заняли два дня в конце недели. Прошедший год можно назвать успешным – проведены PhD Lab в Тайпее и Форум МСА в Буэнос Айресе, подготовивший почву для Конгресса в Йокогаме, который пройдет в 2014 году. Я сообщил о поездках на различные континенты а также о том, каким образом

развивались в течение года проекты «Цифровые миры» МСА (Digital Worlds) («Глобальный диалог» (*Global Dialogue*), «Университеты в кризисе» (*Universities in Crisis*), «Публичная социология: прямой эфир» (*Public Sociology Live*), «Путешествия по социологии» (*Journeys through Sociology*) и сайт «Профессиональное развитие» (*Professional Development*).

Исполнительный комитет подтвердил решение провести Конгресс 2018 года в Торонто. Одной из важнейших задач было принятие решения о том, где провести Всемирный Конгресс МСА 2016 года. К нам поступило три отличных предложения из Будапешта, Копенгагена и Вены. Мы предварительно остановились на двух – Будапеште и Вене – и примем окончательное решение после посещения площадок в обоих городах.

Среди других решений, принятых нами, следующие.

- Принято предложение о реструктурировании МСА. Реформа предполагает, что программный комитет, возглавляемый президентом МСА будет состоять в основном из членов Исполнительного комитета. В результате предполагается сокращение позиции Вице-президента программы. Это предложение направлено в Ассамблею советов для электронного голосования.
- Выработана процедура, позволяющая МСА выступать с публичной защитой социологов, ставших жертвами нарушений прав человека.
- Принято решение о разработке политики МСА по поддержке участия лиц с ограниченными возможностями

>>

на наших главных мероприятиях.

- Создан комитет по поиску внешнего финансирования проектов МСА.
- Учреждена новая награда МСА ["За особые заслуги в социологии"](#).

> **Маргарет Абрахам,** **вице-президент по исследовательской работе**

Комитет по координации исследовательской работы провел продуктивную встречу в Бильбао. Я рассказала об успешном проведении Второго социологического форума МСА, состоявшегося в Буэнос-Айресе (31.07 – 4.08 2012 г.), на котором более 3 952 участников из 84 стран выступили более, чем в 650 сессиях. Он-лайн проект «Пространство социальной справедливости и демократизации» оказался весьма успешным, и у нас есть планы по его дальнейшему развитию.

Субкомитет по пересмотру Устава МСА доложил о работе исследовательских комитетов, рабочих и тематических групп, которые пересмотрели свои уставы, а также привел список исследовательских комитетов, которые должны закончить этот процесс до предстоящих выборов. Комитет рассмотрел доклад о распределении грантов за 2011 и 2012 годы, а также одобрил их распределение на 2013 год. Субкомитет по премированию сообщил о том, что предложение о награде, поступившее от Исследовательского комитета 37 (Социология искусств), было одобрено. Также был утвержден запрос тематической группы 05 («Визуальная социология») на получение статуса «рабочей группы». Предложение о создании новой тематической группы «Социология и социальная работа» было внимательно обсуждено, но, в конце концов, отклонено по причине пересечения с уже существующими исследовательскими комитетами.

Комитет обсудил подготовку Всемирного конгресса социологии в Йокогаме, в том числе:

- Деятельность Confex по улучшению онлайн системы на основании полученных рекомендаций;
- Тематику десяти интегративных секций Всемирного конгресса.
- Возможности поддержки участия в конгрессе с помощью специальных грантов, освобождающих в ряде случаев от оплаты регистрации.
- Программу подготовки новоизбранных членов правления исследовательских комитетов, рабочих групп и TG (?), а также программу Исследовательского совета.

- Я также сообщаю, что Финансовый комитет МСА удовлетворил наш запрос о дополнительных средствах (10 000 евро) для выплаты регистрационного взноса программными координаторами, собирающимися принять участие в конгрессе в Йокогаме.

> **Ракель Соса Элизага,** **вице-президент по Программе**

В течение последних трех лет программный комитет собирался по случаю трех ежегодных встреч Исполнительного комитета, к которому принадлежит большинство его членов: Майкл Буравой (Председатель МСА), Маргарет Абрахам (вице-президент по исследовательской работе), Тина Уйс

(вице-президент по национальным ассоциациям), Елена Здравомыслова, Бенхамин Техрина, Сари Ханафи, Чин Чун Йи, и я, как вице-президент Программы. Коичи Хасегава посещал(а) как председатель Местного организационного комитета. Более того, группа выдающихся ученых, специализирующихся на исследованиях неравенства, приняла наше приглашение поучаствовать в качестве внешних членов нашего комитета. К этим ученым относятся следующие: Эдгардо Ландер, Гёран Терборн, Калпана Каннабиран, Маркус Шульц, Эстебан Кастро и Боавентура де Суса Сантуш (который, к сожалению, не смог посетить встречи). Благодаря познаниям и опыту всех членов комитета была гарантирована высококачественная научная дискуссия. Их научный вклад, который мы глубоко ценим, позволил нам подготовить документ ["Лицом к лицу с неравенством"](#), который был опубликован на сайте Ассоциации, и лег в основу наших дискуссий о том, каким образом подойти ко всем проблемам, планировавшихся к обсуждению на наших пленарных заседаниях. Их работа также была необходима для определения структуры и организации программы, номера и формы каждого пленарного заседания. Сейчас усилия направлены на то, чтобы связаться с коллегами, чьи работы известны на весь мир. Результаты работы будут представлены в нескольких томах, которые будут опубликованы нашей Ассоциацией.

Комитет также подробно обсудил, каким образом пленарные заседания должны встраиваться в общую организацию и структуру нашего Конгресса. Большой интерес, вызванный нашей темой, позволил нам расширить горизонты, задействовав работы наших коллег в Интеграционную сессию, сессию Национальных ассоциаций, в Специальную сессию. Мы также инкорпорировали известных специалистов в сессию «Авторы встречают критиков», в специальные сессии, подготовленные Местным Организационным Комитетом, а также в Президентскую сессию, которая впервые будет интегрирована с десятью одобренными пленарными сессиями. Конгресс в Йокогаме пройдет за год до окончания срока выполнения Целей развития тысячелетия, разработанных ЮНЕСКО. Мы искренне надеемся на то, что наша работа сделает как можно более значительный вклад в углубление понимания неравенства, как и в нахождении путей по его преодолению

> **Дженнифер Платт,** **вице-президент по публикациям**

С нашими публикациями все хорошо, но произошли важные новые события по мере нашей разработки ответов на изменяющиеся ситуации.

Первый выпуск сборника обзорных статей «Современная социология» (*Current Sociology*), произведенный совместно с проектом Социопедия (*Sociopedia*), выходит позже в этом году. Она будет включать в себя обновленные обзоры из различных сфер – например, социальный конфликт, исследования катастроф, здоровье, болезни – на настоящее время доступных только в Социопедии. Данный шаг позволит открыть обзоры для более широких слоев читателей. Для последующих выпусков, будет предложено напрямую присылать статьи, представляющие собой обзоры других сфер. Журнал «Международный социологический обзор книг» (*International Sociology Review of Books*) будет принимать обзоры материалов, не являющихся книгами

– например, фильмов. eSymposium переезжает: он будет размещен на нашем сайте о социальной справедливости и демократизации, <http://sjdSPACE.sagepub.com/>, и каждый выпуск будет доступен только членам МСА до того момента, как выйдет следующий. Винита Синха, нынешний редактор, станет директором веб сайта, а ее последником будет Кельвин Лоу.

Чтобы помочь нам ответить на изменяющиеся требования международного социологического сообщества, электронная онлайн анкета будет собирать мнения о содержании журналов «Современная социология» (*Current Sociology*) и «Международная социология» (*International Sociology*); результаты будут обсуждаться на Всемирном конгрессе.

Что касается наших книг, «Исследований издательства Sage по международной социологии» (*Sage Studies in International Sociology*), были введены значительные изменения в ценовой политике. Книги в жесткой обложке для библиотек будут продолжать выпускаться, однако недорогие издания в бумажном переплете станут доступны для членов МСА и развивающихся рынков. Первые книги из серии «Ключевые тексты мировой социологии» (*Key Texts in World Sociology*) в настоящее время готовятся к выпуску.

Давление в некоторых странах по поводу предоставления «открытого доступа» к журнальным статьям привело к тому, что были введены новые правила. Мы договорились, что авторы, чья работа предполагает обязательное выкладывание в открытый доступ, могут заплатить определенную сумму и сделать работу открытой для всех.

> Тина Уйс,
вице-президент по национальным ассоциациям

Комитет по взаимодействию национальных ассоциаций продуктивно работал в 2012 году. Самое важное предстоящее событие в его календаре – встреча совета национальных ассоциаций в Анкаре (Турция), с 13 по 16 мая 2013 года, на кампусе Ближневосточного Технического Университета. Тема конференции – «Социология в смутное время: сравнительные подходы». Конференцию посетят примерно 70 делегатов, среди них 40 будут представлять национальные ассоциации, являющиеся коллективными членами МСА. Мы бы хотели выразить нашу признательность Турецкому местному организационному комитету (председатель – профессор доктор Айсе Сактанбер, заведующий кафедрой социологии в Ближневосточном техническом университете) за тяжелую работу, проделанную ради успеха конференции

Заявление Общества Саудовской Аравии по социологии и социальной работе о коллективном членстве было одобрено после обсуждения его устава. В настоящее время регулярными коллективными членами МСА являются 57 организация. Мы также изменили процесс рассмотрения подобных запросов, полученных между ежегодными встречами исполнительного комитета, таким образом, что заявителям не придется дожидаться ответа до следующей ежегодной встречи Комитета по взаимодействию национальных ассоциаций и исполнительного комитета.

Социологическая Ассоциация Кыргызстана, Иверийские Встречи Социологов, Болгарская социологическая ассоциация, а также Социологическая ассоциация

Мозамбика сдали отчеты по региональным конференциям, которые были проведены при поддержке грантов МСА. Они были обсуждены и одобрены.

Гранты по улучшению веб-сайтов были даны Аргентинскому совету профессионалов социологии, а также аргентинской, австралийской, хорватской, немецкой и иранской социологическим ассоциациям.

Финская организация Finnish Westermarck Society получила грант на организацию ежегодного аспирантского мастер-класса для студентов скандинавских стран. Члены комитета по взаимодействию национальных ассоциаций особо отметили, что при подаче заявки на грант важно показать региональную природу мастер-класса.

> Роберт Ван Крикен,
вице-президент по финансам и членству

• Членство

Комитет рассмотрел коллективное членство, а также индивидуальное членство, которое в декабре 2012 года достигало 5300, являясь рекордно высоким.

Было рассмотрено членство в исследовательских комитетах, рабочих группах и тематических группах. Было отмечено, что четыре исследовательских комитета подвержены среднему и высокому уровню опасности снижения количества членов. При этом ряд исследовательских комитетов и тематических групп стабильно растет: ИК07 Футурология, ИК09 Социальные трансформации и социология развития, ИК13 Социология отдыха, ИК 19 Социология бедности, социального обеспечения и социальной политики, ИК 21 Региональное и городское развитие, ИК 31 Социология миграции, ИК 32 Женщины в обществе, ТГО3 Права человека и глобальная справедливость, ТГ 04 Социология риска и ТГО6 Визуальная социология.

Выражалась озабоченность по поводу растущей доли пожизненных членов. Комитет направил вопрос на рассмотрение в Исполнительный комитет. Субкомитет (Ишвар Модии и Том Дуайер) сделал доклад, в котором был представлен анализ количества членов. Субкомитет сделал ряд предложений по поводу улучшения членства. Было предложено создать субкомитет по мониторингу изменений в членстве в организации.

• Финансы

Комитет отметил небольшое снижение членских взносов, гонораров за публикации, дохода в виде процента, а также повышение затрат на различные аспекты работы МСА. Также было отмечено значительное повышение вклада от издательского дома Sage

Подробный финансовый отчет за 2011-2012 годы будет опубликован на сайте МСА.

Дополнительные запросы на финансирование были рассмотрены и либо одобрены, либо направлены в исполнительный комитет для принятия окончательного решения, в том числе по поводу предоставления дополнительной помощи для грантов делегатам Национальной Ассоциации на участие в Йокогаме, а также для грантов программным координаторам в Йокогаме, как часть бюджета Всемирного конгресса. ■

> Представляем польскую команду редакторов: Лаборатория публичной социологии

Каролина Миколаевска, Варшавский и Козминский университеты, Польша

Осенью 2011 года мы основали студенческую «Лабораторию публичной социологии» (Koło Naukowe Socjologii Publicznej), при Институте социологии Варшавского университета. Нас, студентов бакалавриата, магистратуры и аспирантуры, объединяет интерес к исследованию публичных проблем в частных вопросах (как говорил Ч. Райт Миллс). Мы хотим заниматься социологическими исследованиями, касающимися жизни нашего общества.

Наша группа занимается разнообразной деятельностью, однако нашей основной задачей, бесспорно, является перевод «Глобального диалога» на польский язык. В выпуске 2.4 мы опубликовали отчет о дискуссии, посвященной вопросам, поднятым в диспуте между Штомпкой и Буравым, особенно тем, которые касаются условий польской академической жизни. Такова одна из наших дискуссий о разных версиях публичной социологии. В настоящее время подобные дебаты привлекают значительное внимание публики. Кроме того, мы организовали серию семинаров с общественно активными социологами. В настоящее время мы планируем создать сеть, объединяющую польских студентов, изучающих социологию. Нам очень нравится сотрудничать с ГД и распространять посредством него наши дискуссии о публичной социологии за пределы Польши. ■

С нами можно связаться по эл. почте:
public.sociology.kn@uw.edu.pl

Адам Мюллер. PhD Института социологии Варшавского университета. Там же получил магистерскую степень по социологии. Исследовательские интересы: банковские структуры и моральная экономика.

Каролина Миколаевска. PhD Института социологии Варшавского университета. Магистр социологии. Преподаватель и сотрудник Центра исследования организаций и рабочих мест в Козминском университете Варшавы. Исследовательские интересы: экономическая антропология и социология, трудовые отношения, исследования организаций.

Кшиштоф Губаньски. Студент бакалавриата социологии и культурологии Варшавского университета. Также в течение года обучался в Университете Людвиг Максимилиана в Мюнхене. Область научных интересов: экономическая социология, городские исследования, дискурсивный анализ. Активный член студенческого совета. Работает над дипломом, посвященным изменениям системы высшего образования в Польше.

Миколай Межеевски. Студент бакалавриата по программе социологии в Варшавском университете. Научные интересы включают социологию высшего образования, социологию науки, экономическую социологию, классовые анализ и публичную социологию. Также является членом инициативной группы «Новое открытие университета» и ее исследовательской организации, интересы которой сосредоточены на последних изменениях в жизни академического сообщества.

Якуб Розенбаум. Аспирант факультета социологии Варшавского университета. Пишет диссертацию о восстановлении частной собственности в Варшаве после падения коммунистического режима. Основные социологические интересы: трудовые отношения, гражданское (в основном молодежное) участие и жилищный вопрос. Активно поддерживает участие социальных наук в социальных изменениях.

Анна Пекутовска. Аспирантка факультета социологии Варшавского университета. Среди ее научных интересов - общественные движения и социальная экономика, гендерная социология, сексуальность. Занималась анализом феминистских организаций и их влияния на положение женщин в Польше. Тема магистерской диссертации: социальные кооперативы как средство социального включения.

Томаш Пёнтек. PhD, работает в Институте социальных исследований им. Роберта Б. Зайонца в Варшавском университете. Основные научные интересы: социология образования и образовательных систем, молодежные исследования, критическая педагогика, социальная ответственность социологов.

Юлия Легат. Студентка магистратуры Института социологии Варшавского университета (там же получила степень бакалавра). Основные исследовательские интересы: социальные движения, гражданское участие, социальное неравенство.

Зофия Влодарчик. Аспирантка факультета социологии Варшавского университета. Работает над диссертацией, посвященной различным проявлениям субъектности в биографиях женщин из сельской местности. Основные научные интересы: публичная социология, гражданское участие (особенно среди молодежи и в сельской местности), биографическая социология.

Эмилия Худзиньска. Аспирантка факультета международных отношений Варшавского университета. Актуальный исследовательский интерес – американские исследования и деколонизация. Магистр Института социологии Варшавского университета. Темой магистерской диссертации: отношения власти между польскими знаменитостями и политиками.

> Канадские социологи приветствуют вас!

Патриция Альбениз, избранный президент Канадской социологической ассоциации; председатель местного Организационного комитета Всемирного конгресса Международной социологической ассоциации в 2018 году; университет Рейерсона, Торонто, Канада

Социологи из Торонто и окрестностей встретились с Майклом Буравым и Изабелой Барлинской для обсуждения организации Всемирного конгресса МСА 2018 года. Задний ряд, слева направо: Лорн Тепперман (Университет Торонто) Шерил Тилаксингх (Университет Рейерсона), Изабела Барлинска (Исполнительный секретарь МСА), Боб Андерсен (Университет Торонто). Передний ряд, слева направо: Нэнси Мэнделл (Йоркский университет), Патриция Альбениз (Университет Рейерсона), Лесли Вуд (Йоркский университет).

Канадские социологи рады поделиться новостями о том, что Торонто, Канада, был выбран в качестве принимающего города для Всемирного социологического конгресса 2018 года. В преддверии Всемирного конгресса в 2018 году, мы надеемся, что у нас будет много возможностей, чтобы познакомиться с вами, а также, что вы тоже сможете лучше узнать нас. Мы странноватая, но доброжелательная компания, со склонностью к критике и в то же время к саморефлексии. Начнем, пожалуй, с краткого введения о том, кто мы есть и что мы делаем.

Канадская социология. Легче определить то, чем она не является, чем указать на то, чем она является, и что делает ее особенной; но для начала - она не скучна, не статична, она не является однородной, и ее нелегко описать в нескольких словах.

Социология (почти) всегда была открыта для заимствований как внутри, так и за пределами традиционных дисциплин и научных кругов. Мы - «профессия мусорщиков», которые не боятся затронуть места, пространства и идеи, обычно находящиеся за пределами «нормы». Мы проливаем свет. Мы раскачиваем лодки. Мы ставим под сомнение все - даже самих себя и то, что мы делаем для жизни. Как и другие социологические традиции, канадские социологи ставят под сомнение, кто мы, что мы делаем и почему. В Канаде Роберт Брим (2003), Нил Маклафлин (2005) и Дуг Бэр (2005), среди прочих, обсуждали, находится ли канадская социология в кризисе. Такого рода дискуссии являются здоровым признаком того, что мы думаем, мыслим. И для успокоения всех озабоченных скажем словами Марка Твена: «Слухи о моей смерти сильно преувеличены».

Канадская социология живет и здравствует. Канадская социологическая ассоциация, равно как и репутация канадских социологических журналов, растет. Доктор Реза Накхайе (Университет Виндзора), текущий редактор *Canadian Review of Sociology*, старейшего реферируемого социологического журнала в Канаде, недавно опубликовал обзор последних 45 лет истории журнала. В нем он отметил: «Статьи, опубликованные в RCS, призваны создать живой диалог между социологами и канадскими мыслителями из других научных сфер. Статьи порой очень академичны, иногда даже критичны, радикальны и оппозиционны. В целом, RCS представляет собой канал для обмена идеями и для диалога между профессионалами и канадскими университетскими критиками». (Nakhaie, 2010: 320).

Мы надеемся, что наша способность быть релевантными и актуальными всегда останется при нас. Социологии, которые не современны, не соответствуют актуальности, вероятно, заслуживают кризиса. Анализ описания программ пятидесяти четырех англо-говорящих социологических отделений со всей Канады выявил, что в первую очередь программы делают акцент на

>>

практике критического мышления, важности широкого гуманитарного образования и возможности оказывать продолжительное влияние на окружающие социальные условия (Puddephatt and Nelson, 2010: 423). Если мы добьемся хотя бы части этого вместе со студентами (а тем более с аспирантами), и для них, то мы на пути к упрочению позиций социологии как стоящей дисциплины.

Чтобы закрыть эту часть нашего краткого вступления, позвольте мне поделиться с вами мнениями некоторых канадских коллег. В ответ на вопрос о том, что отличает канадскую социологию, наши коллеги написали в электронных СМИ:

- «Канадские социологи различаются по ряду параметров, включая язык, регион, образовательную подготовку, теоретический подход и эмпирические приложения. Если говорить о каком-то консенсусе между социологами страны, то он формируется вокруг обязательства по включению и американских, и европейских традиций, внимания к историческим тенденциям, принятия смешанных методов и приверженности к «критическому» вовлечению. Канадская социология зародилась в рамках либеральной портерианской традиции, с дальнейшим развитием в русле марксистской новой политической экономики и более недавним приобщением к деколониальной, феминистской, постмодернистской и другим новым перспективам. Практически отсутствует канонизированная перспектива, что является признаком здоровья канадской социологии. (Д-р Ховард Рамос, доцент кафедры социологии и антропологии Университета Далхаузи).

- Этот вопрос обсуждался на теоретическом семинаре Университета Саскачевана, и его участники хотели бы поделиться с вами следующим: «Неравномерное распределение населения Канады в сочетании с разнообразной природной и географической средой представляет трудности для понимания сложных социальных отношений. Канадская социология отличается способностью понимать нюансы весьма разнообразного населения. Канадская социология также несет критический запал, важный для выявления «закулисного» национального образа и социальной ткани, часто заполитованных понятиями об общих ценностях и культурных атрибутах»

- Д-р Нэнси Манделл, заведующая одной из крупнейших кафедр социологии в Йоркском университете, предоставила следующее резюме своей программы: «Унаследованная нами «ниша», уходящая в критическую социологию 1960-х годов и ее применение в Канаде и на международном уровне, предполагает предложение

нашим студентам социологии общественного вовлечения. Кафедра в целом занимает критические позиции в отношении научного знания, бросает вызов конвенциям, и, тем самым, стремится к большей социальной справедливости по таким вопросам, как равный доступ к медицине, сексуальной свободе и подотчетности органам правосудия. Говоря в целом, мы сосредоточены на исследовании неравенства, властных отношений и идеологических вопросов и поощряем социальный активизм. Многие преподаватели разделяют подходы, подчеркивающие центральное значение истории - особенно влияние колониального и имперского экспансионизма во всем мире - в анализе, ориентированном на понимание настоящего».

- Пола Грэм, аспирантка Мемориального университета Ньюфаундленда, написала: «С точки зрения моего исследования социальных движений, «канадскую социологию» можно назвать раскрепощающей. Пусть я и симпатизирую усилиям определить, что же есть канадского в «канадской социологии» и зафиксировать эту область как таковую, я считаю неоднозначность идентичности «канадской социологии» полезной. Не подписываясь под американскими, европейскими или другими интерпретативными подходами, я могу более открыто и восприимчиво работать с литературой и теорией из всех уголков социологии, в том числе и из Канады».

И на этой ноте я заканчиваю. Канадские социологи с нетерпением ждут встречи с вами лично для живого обмена идеями в рамках нашей конференции в конференц-залах, барах и ресторанах. Вместе мы обязательно создадим новые и захватывающие формы сотрудничества. ■

Источники

- Baer, D. (2005) "On the Crisis in Canadian Sociology: Comment on McLaughlin." *Canadian Journal of Sociology* 30(4): 491-502.
- Brym, R. (2003) "The Decline of the Canadian Sociology and Anthropology Association." *Canadian Journal of Sociology* 28: 411-416.
- McLaughlin, N. (2005) "Canada's Impossible Science: Historical and Institutional Origins of the Coming-Crisis of Anglo-Canadian Sociology." *Canadian Journal of Sociology* 30(1): 1-40.
- Nakhaie, R. 2010. "Les 45 années de la Revue canadienne de sociologie (et d'anthropologie). 45 years of the Canadian Review of Sociology (and Anthropology)." *Canadian Review of Sociology* 47(3): 319-325.
- Puddephatt, A. and R.W. Nelsen (2010) "The Promise of a Sociology Degree in Canadian Higher Education." *Canadian Review of Sociology* 47(2): 405-430.

> Письма редактору

Отклики на статью Фераса Хаммами об Израильских Университетах (Глобальный Диалог 3.2)

Уважаемый редактор:

Будет полезно сравнить статью Фераса Хаммами «Политический кризис в израильских университетах» (ГД 3.2) с другими статьями на ту же тематику. Андрэ Бетей отмечает, что, будучи социологом, не считает морализаторство своей задачей, тогда как статья Жаклин Кок исполнена политического пафоса – но при этом ей удается донести свой месседж до читателя, не виктимизируя жертв описываемых ею проблем и не демонизируя виновных. Автор не претендует на роль адвоката или судьи, хотя и не отрицает ответственность тех, кто обладает властью. В статье об Израиле, напротив, на переднем плане – моральная оценка и порицание, и автор фокусирует внимание на ряде громких и сложных примеров, используя в качестве доказательств только активистские свидетельства. Автор мог бы найти академические или газетные источники в поддержку своего аргумента (в конце концов, это академическая публикация). Возможно, он также оказался заложником дефайнов, поскольку 13 февраля Совет по вопросам высшего образования (СВО) Израиля отменил решение о закрытии отделения политических наук Университета Бен-Гуриона, на которое ссылается Хаммами.

Статья обобщает отдельные инциденты до уровня широко распространенных паттернов. Действительно существуют правые группы, которые осуждают профессоров в Израиле за их мнения, и иногда давление бывает шокирующим, как в случае с Нивом Гордоном. Однако, на наш взгляд, статья должна была, по крайней мере, предоставить некоторые доказательства такому серьезному и широкомасштабному заявлению, как следующее: «Во избежание публичного поношения, потери работы, лишения свободы или даже смерти сотрудники отсеивают информацию, которая может спровоцировать власти». Едва ли такими заявлениями можно легкомысленно разбрасываться. В любом случае Нив Гордон остается штатным профессором в своем университете. На самом деле было много критики по поводу отказа в постоянной должности Ариэлле Азулай, и широко распространено мнение, что этот отказ был вызван политическими причинами. Тем не менее, какое-то доказательство должно и могло быть предоставлено, поскольку обвинять университет в политической предвзятости в вопросе назначений – это серьезное дело.

Бойкот, к которому призывает автор статьи, может негативно отразиться на конкретных людях и наказать отдельных граждан за ошибки их правительства. Конечно, бойкот как мера имеет смысл. Он нацелен на пробуждение общественного сознания и в данном случае мог бы заставить израильских ученых задуматься о действиях своего правительства. Но этот аргумент, на мой взгляд, не может служить оправданием для кампании, направленной на изоляцию и оскорбление всех коллег без разбора. Участникам кампании следовало бы сфокусировать свое внимание на сферах, которые могли бы действительно противодействовать правительственной политике: на самом деле, я бы не препятствовал, например, ликвидации привилегий в торговых отношениях Израиля и Европейского Союза, которые уже вызывают сложности, когда продукция, произведенная на Западном берегу реки Иордан носит бренд «Сделано в Израиле». Аналогия с Южной Африкой, которую проводит автор, проблематична, поскольку университеты и спортивные ассоциации ЮАР, в отличие от Израиля сами практиковали политику дискриминации. Предлагаемый бойкот, на мой взгляд, привел бы к более, чем неблагоприятным последствиям: он мог бы окончательно испортить отношения в профессиональном и интеллектуальном сообществе и привести к еще большей политизации академического сотрудничества, в котором принимают участие израильские ученые.

Дэвид Леманн, Кембриджский Университет, Великобритания

Уважаемый редактор:

Исследование Фераса Хаммами о политическом кризисе в Израильских университетах показывает, что израильские ученые не считают необходимым протестовать против политики своего правительства. Подавляющее большинство из них не сказала ни слова по поводу закрытия Палестинских университетов, но когда их собственная академическая свобода оказалась под угрозой, реакция была совсем иной. Однако, я исхожу из того, что кризисы часто порождают возможности для солидарного действия.

Пропагандистская машина Израильского государства представляет эту страну как остров демократии в океане арабского деспотизма, а его университеты как ресурсы либеральной критики. Пока СМИ охвачены волной эйфории по поводу скоропалительно объявленной Арабской весны, пропаганда израильской демократии и университетского либерализма испытывает трудности. Горстка коллег, поддерживаемая небольшим количеством диссидентов, но имеющая значительную международную поддержку ограничила, но не остановила репрессии. В случае предполагаемого закрытия целого отделения в Университете Бен-Гуриона роль международных экспертов была решающей в выявлении израильской сдержанности в приверженности к академической свободе. Совет по вопросам высшего образования, пригласив международных экспертов для оценки отделений политологии израильских университетов, истолковал их отчет как рекомендацию к закрытию. Бесспорно, СВО находился под давлением гипер-сионистов внутри и за пределами университета, которые уже охотились на отделение политологии как на гнездо анти-сионистов во главе с профессором Нивом Гордоном, активным сторонником публичного академического бойкота.

Выступив с предложением закрыть факультеты в сентябре 2012 года, СВО поддался политическому давлению. Однако, профессура Института Вейцмана, который, что немаловажно, является оплотом израильской науки и технологии, сразу увидела потенциальный ущерб, который это решение может нанести имиджу израильских университетов как бастионов академической свободы. В течение недели 300 израильских ученых подписали петицию, критикующую это предложенное решение. На международном уровне последовал шквал протестов от отдельных ученых и ассоциаций. Университет Бен-Гуриона, альма-матер находящегося под угрозой отделения политологии и один из ведущих израильских университетов, также осознал надвигающуюся угрозу и начал судебное разбирательство против СВО, утверждая, что в основе предлагаемой меры лежит подспудный и не относящийся к науке смысл, нарушающий юридическое определение академической свободы. Более того, международные эксперты заявили, что они не рекомендовали закрывать отделение, поставили под сомнение мотивы этого действия и отметили, что СВО оставил без административных последствий критический отчет в отношении отделения политических наук Университета Бар-Илана.

Растущее давление убедило СВО отложить закрытие отделения до завершения выборов в январе. Хотя к власти пришло крайне правое правительство, к решению о закрытии факультета больше не возвращались. В начале февраля Га-Арец, самый либеральный представитель израильской прессы, сообщил публике, что решение о закрытии было отменено, но международные эксперты продолжают следить за работой факультета политологии.

Следует надеяться, что теперь, когда израильское научное сообщество столкнулось с угрозой своей академической свободе и успешно защитило ее с помощью международной поддержки – оно начнет осознавать, что академическая свобода неделима. Ее принципы должны распространяться и на профессиональную деятельность Палестинских коллег, работающих всего в нескольких милях от них. И возможности для этого существуют.

Хилари Роуз, Университет Бредфорда, Великобритания